

Город мертвых

Автор:

[Дин Кунц](#)

Город мертвых

Дин Рэй Кунц

Франкенштейн #5

Идет война против человечества. Когда небольшой городок Райнбоу Фалс в штате Монтана попадает в осаду, выжившие жители решают собраться с последними силами и начать страшную борьбу против существ, разгуливающих по всему миру... Виктор Франкенштейн намерен изменить будущее с помощью ошеломляющего количества своих могущественных и ужасных помощников. Жители города изучают его план. И, несмотря на превосходящие темные силы противника, вступают в последнюю схватку...

Дин Кунц

Город мертвых

© Dean Koontz, 2011

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Памяти Гилберта К. Честертона, преподнесившего мудрость и суровые истины в самой привлекательной из упаковок, по-доброму и с улыбкой меняя

бесчисленные жизни.

Люди способны бесконечно долго не замечать вещи, когда они достаточно велики?. Так сложно даже увидеть мир, в котором мы живем.

Г. К. Честертон

1

Перепуганный, с вытаращенными глазами, Уоррен Снайдер застыл в кресле своей гостиной. Он сидел скованно, с прямой спиной, руки лежали на коленях ладонями вверх. Правая кисть то и дело подергивалась. Рот был слегка приоткрыт, и нижняя губа дрожала почти непрерывно.

На его левом виске блестела серебристая бусина. Круглая и гладкая, как шляпка декоративного обойного гвоздя, она походила на неуместную серьгу.

На самом же деле бусина была набита электроникой, наносхемами и являлась своего рода головкой гвоздя, видимой частью игольно-тонкого зонда, которым выстрелили в его мозг из устройства, напоминающего пистолет. Мгновенная химическая коагуляция[1 - Коагуляция – здесь: прижигание, нанесение ожогов на различные участки тела. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)] плоти и кости? предотвратила кровотечение.

Уоррен безмолвствовал. Ему было приказано хранить молчание, и он утратил силы к сопротивлению. Он не шевелился, если не считать в равной мере произвольные подергивания и дрожь, даже не менял своего положения в кресле, поскольку ему было велено сидеть и не двигаться.

Взгляд мужчины метался из стороны в сторону между двумя точками, на которых он сфокусировался: его женами.

Джуди Снайдер с серебряной бусиной на левом виске и глазами, остекленевшими, как у метамфетаминового наркомана, сидела на диване, сдвинув колени и мирно сложив на них руки. Она, в отличие от своего мужа, не дергалась и не дрожала. Джуди, похоже, не знала страха, возможно, потому, что зонд повредил ее мозг иным способом.

Вторая Джуди стояла у окна гостиной, выходящего на улицу, и попеременно вглядывалась то в снежную ночь, то с презрением в двух своих узников. Тех, что принадлежали к роду губителей этой земли. Вскоре этих двоих уведут прочь, словно овец, для воспроизводства и переработки. И однажды, после того как последние представители рода человеческого будут уничтожены, мир станет практически раем, каким когда-то задумывался или когда-либо мог стать.

Эта Джуди не являлась клоном сидящей на диване, ничем не походила на одну из примитивных мясных машин, которыми и были все люди. Ее создали по образу и подобию оригинальной Джуди, но эта иллюзия рассыпалась бы, если бы врачи принялись проверять ее внутреннее строение и природу плоти. Она была создана за несколько месяцев, запрограммирована и выпущена – «рождена» – уже взрослой, в Улье, глубоко под землей. Создатели Джуди не вкладывали в нее никакого дао, кроме определенной программы, она не имела иллюзии по поводу того, что обладает свободой воли, не несла никаких обязательств и прочего перед высшей силой любого рода, за исключением Виктора Лебена, настоящая фамилия которого – Франкенштейн. Кроме того, она не ждала иной участи и к другой жизни не стремилась.

Сквозь раздвинутые занавески искусственная Джуди наблюдала за тем, как высокий мужчина переходит засыпанную снегом улицу, сунув при этом руки в карманы пальто и запрокинув голову к небу, будто наслаждаясь погодой. Он подошел к дому по главной дорожке, игриво взметая ногами маленькие облачка снега. Джуди не могла видеть его лица, но решила, что молодой человек, вероятно, девятнадцатилетний сын этой семьи, Эндрю Снайдер. Примерно в такое время родители ждали его возвращения домой с работы.

Джуди опустила занавески и прошла через гостиную в фойе. Услышав шаги Эндрю на крыльце, открыла дверь.

– Энди, – сказала она. – Я так волновалась.

Страхивая ботинки, чтобы оставить их на крыльце, Эндрю улыбнулся и покачал головой.

- Мам, ты слишком много волнуешься. Я же не поздно.

- Нет, не поздно, но сегодня вечером в городе творятся жуткие вещи.

- Что именно?

Стоило Эндрю, оставшемуся в носках, шагнуть в фойе, репликант[2 - Репликант – андроид, имеющий полное сходство с определенным человеком.] Джуди закрыла дверь, повернулась к нему и начала расстегивать его пальто. С лучшей имитацией материнской заботы, на которую была способна, она сказала:

- Ты замерзнешь до смерти при такой погоде.

Стягивая с шеи шарф, Эндрю снова спросил:

- Какие жуткие вещи?

Парень недовольно и недоумевающе хмурился, словно ее возня с его пальто была ей совершенно не свойственна.

Расстегивая пуговицы, она поворачивала его до тех пор, пока дверь в кабинет не оказалась вне поля его периферического зрения.

- Все эти убийства. Это ужасно, – сказала она.

Особо внимательно взглянув на нее, Эндрю спросил:

- Убийства? Какие убийства?

Пока он говорил, из кабинета бесшумно выскользнул его репликант, приблизился к нему и, прижав дуло мозгового зонда к левому виску Эндрю, мгновенно спустил курок.

Лицо молодого человека исказилось от боли, но лишь на мгновение. Затем его глаза расширились от ужаса, хотя лицо расслабилось, приобретая выражение, подобное тому, какое бывает у лежащих в коме.

– Иди со мной, – сказал репликант Эндрю и повел своего тезку в гостиную. – Сядь на диван.

Эндрю Снайдер, на виске которого каплей ртути дрожала серебристая бусина, подчинился.

Если бы репликант Эндрю решил сесть напротив реального и снова нажать на курок, пистолет не выстрелил бы еще одним пронизывающим череп дротиком. Второй выстрел был бы телеметрической командой, иницилирующей трансмиссию от введенной иглы к модулю для хранения данных в неорганическом мозгу репликанта. Через девяносто минут или чуть меньше вся суть жизненного опыта молодого человека – приобретенные знания, воспоминания, лица, потоки образов и звуков – были бы загружены в его имитатора.

Однако цель репликанта заключалась в том, чтобы просто походить на Эндрю Снайдера внешне. Две ночи спустя к этому же времени все жители Рейнбоу-Фоллс будут убиты, воспроизведены и переработаны; не останется ни одного человека, кто знал настоящего Эндрю и кого нужно было бы ввести в заблуждение его выращенным в лаборатории дублем.

В подобных обстоятельствах девяносто минут, в течение которых загружались данные, были бы пустой тратой времени. Репликанты презирали напрасные траты и отвлекающие факторы. Сосредоточенность и эффективность являлись для них важнейшими принципами. Эффективность была единственной моралью, а единственным аморальным принципом считалась неэффективность.

Их Коммуна, как называли свою новую цивилизацию существа, рожденные в Улье, вскоре приобретет тайную базу, из которой станет неустанно продвигаться дальше по континенту, а затем и по всему миру. Члены Коммуны были воплощением прогресса, финалом истории, концом всей отвратительной кутерьмы человеческих заблуждений и случайных событий, а также началом распланированного будущего, что, согласно точному плану, однажды приведет к полному идеалу всего сущего.

Член коммуны Эндрю Снайдер, уже в одежде для зимней ночи, вышел из гостиной, чтобы присоединиться к члену Коммуны Уоррену Снайдеру, ждавшему его в «Форд-Эксплорере», припаркованном в гараже. Настоящий Уоррен, парализованный в кресле гостиной, являлся главным управляющим и составителем программы передач KBOW, единственной радиостанции города.

В начале каждой жестокой революции те, кто стремится свергнуть существующий порядок, должны захватить контроль над всеми средствами связи, чтобы не дать врагу возможности создания командной структуры, способной организовать сопротивление. Всех работающих в вечернюю смену на KBOW следует взять под контроль и отправить в один из центров, где быстро и решительно переделывалось население Рейнбоу-Фоллс.

Репликант Джуди осталась позади, с Джуди, которую заменила, и двумя мужчинами, покорно сидящими в гостиной. Ее задачей было дожидаться транспорта, что прибудет забрать зондированное трио и отвезет его к месту уничтожения.

Даже если бы члены семейства Снайдер находились в сознании, приемлемой компанией они бы не стали. В конце концов, люди были не просто животными, подобными обитателям полей и лесов, а куда хуже всех населяющих Землю видов: тщеславные настолько, чтобы затребовать себе исключительный статус среди всех живых существ, безумные настолько, чтобы верить, будто рождены с душой, а их жизнь наполнена смыслом. Они полагали, что их существование связано с космической судьбой, при том что на самом деле являлись раком в груди Природы.

Несмотря на все претензии людей, они были мясом. Всего лишь мясом. Кровью, костями и мясом. И сумасшествием. Безумием. Они были бешеным мясом, не более того.

Член Коммуны Джуди презирала их. Ей казалось омерзительным и то, как они жили, не обращая внимания на множество недостатков своего окружения.

Ковер в гостиной – вот самый близкий наглядный пример их неполноценности в данном аспекте. Хлопковые ворсинки. Она насчитала шесть комков ворса лишь в области, ограниченной двумя креслами и кофейным столиком перед диваном. И не только комки ворса. Еще и кошачья шерсть. Кошка сбежала через

собственную дверцу в кухонной двери, но ее шерсть оставалась повсюду.

Порядок был важным принципом, не менее важным, чем сосредоточенность и эффективность. Последнее поистине недостижимо в состоянии беспорядка. Прежде чем можно будет достичь идеальной эффективности, следует установить порядок. Эта догма была запрограммирована глубоко в ее сущность.

Ожидать транспорт, который увезет Снайдеров прочь, – неэффективное использование времени. Шагая взад-вперед по грязному ковру, Джуди то и дело останавливалась, чтобы раздвинуть плохо подвешенные занавески, и сканировала улицу на предмет означенного фургона. При этом репликант остро сознавала масштаб прогресса, который ждет своего часа на всех фронтах, тот факт, что мир предстоит покорить и переделать, и то, что в данный момент она никак не содействует героическим усилиям Коммуны.

Джуди почувствовала себя немного лучше, после того как достала из кладовой пылесос и принялась чистить все открытые части ковра, не оставляя ни ворсинок, ни вырванных ниток, ни единого кошачьего волоска. Но затем сквозь стеклянную столешницу кофейного столика она заметила нечто, похожее на арахис, оброненный кем-то из Снайдеров и закатившийся под мебель.

Раздраженная, оттащила кофейный столик от дивана, где послушно ждали двое ее пленников, и открыла ковер для более пристального изучения. Вдобавок к орешку она обнаружила мертвую муху. Насекомое выглядело сухим, хрупким, словно пролежало под столом много дней и могло рассыпаться в пыль от малейшего прикосновения.

Арахис и муха оказались не единственным мусором. Там была и кошачья шерсть, и крошка чего-то, не поддающегося идентификации.

– Поднимите ноги! Поднимите ноги! – приказала она Эндрю и его матери, и те, не дрогнув лишенными выражения лицами, подчинились, высоко вскинув колени и подняв ступни с пола.

Со свойственным членам Коммуны рвением, Джуди пропылесосила ковер перед диваном. Заметив, что и Уоррен, сидящий в кресле, тоже поднял ноги, она прошла пылесосом и там.

Затем начала раздумывать, какие пыль и мусор могли скопиться на плитусе за диваном и на ковре под ним. Ее посетили образы крайнего беспорядка.

Подойдя к окну, Джуди раздвинула занавески, складки которых давно не гладили с тщательностью, достаточной для обеспечения должного вида. Она посмотрела налево и направо, изучая морозную улицу. Мимо дома медленно проехала патрульная машина. Все полицейские в городе к данному моменту, за большую часть дня, были заменены членами Коммуны, но Джуди это совершенно не успокоило. Лишь одно могло убедить ее в том, что захват города проходит эффективным образом: прибытие транспорта и команды, призванной забрать семью Снайдеров.

Отвернувшись от окна, репликант оглядела комнату и оценила открывшийся вид на уровне катастрофы.

2

Бесшумные снежные легионы мягко маршировали сквозь ночь, брали в осаду городок Рейнбоу-Фоллс штата Монтана, захватывали темные улицы. Метель облаками порохового дыма окутывала здания из красного кирпича и возвышающиеся над ними ели. Вскоре уличные ландшафты и пейзажи станут призрачными, блеклыми, апокалиптическими видениями мертвого будущего.

Не замечая холода, Девкалион передвигался по засыпанному снегом городу так, как умел двигаться лишь он один. Жуткая молния, более двух сотен лет назад пробудившая его к жизни в самой первой лаборатории Виктора, наделила его также иными способностями, в том числе и глубинным пониманием квантовой структуры реальности, интуитивным знанием базового плетения ткани, составляющей все сущее. Он знал: Вселенная неизмеримо огромна и при этом до странности тесное место. Ему было известно, что расстояние являлось фактом и иллюзией одновременно. На самом деле каждая точка Вселенной располагалась в шаге от любой иной точки. Тибетский монастырь по другую сторону мира от Рейнбоу-Фоллс в то же время находился на расстоянии шага, следовало лишь знать, как сделать его.

Девкалион знал, поэтому в мгновение ока перенесся из переулка за булочной Джима Джеймса на крышу театра Рейнбоу.

Этот город с пятнадцатью тысячами душ населения обладал атмосферой Старого Запада, потому что множество его построек датировалось концом девятнадцатого – началом двадцатого века; у них были плоские крыши с парапетами, подобными тем, за которыми в старых фильмах любили прятаться плохие парни во время перестрелок с шерифами.

Ни единое здание города не имело более четырех этажей, а театр считался одним из самых больших строений. С этого пункта наблюдения, высоко поднятого навстречу падающему снегу, Девкалион мог видеть восточную и западную стороны Коди-стрит. Большая часть заведений по причине метели закрывалась рано, но рестораны и бары оставались ярко освещенными. Вдоль обочин стояло совсем мало машин; интенсивность движения сильно сократилась в сравнении с тем, какой была всего полчаса назад.

Большой автофургон с темно-синей кабиной и белым грузовым отсеком двигался по Коди-стрит, как и три других авто. Остальные фургоны, идентичные этому, осуществляли миссию в других частях города. Чуть раньше Девкалион осознал суть задания, выполняемого парными командами экипажей репликантов с суровыми глазами: транспортировка захваченных жителей Рейнбоу-Фоллс к местам, где они будут убиты.

Жертв заменяли двойники, созданные в вотчине Виктора, расположенной где-то по ходу Шоссе 311. Местные называли его Шоссе Конца Света, это была петля широкой двухполосной дороги протяженностью в двадцать четыре мили, проложенной во времена холодной войны. Как выяснилось, дорога не исполняла никаких других функций в этой отдаленной лесистой местности, кроме соединения подземных ракетных шахт, закрытых после распада Советского Союза. В некоторых случаях шахты забросили, а какие-то помещения, имевшие пониженную влажность, продали корпорациям для хранения особо секретных документов. Множество местных не сомневались в том, что эти шахты – лишь малая часть того, что таилось вдоль Шоссе Конца Света, и что глубже находятся подземные бункеры, построенные таким образом, чтобы выдержать несколько прямых ядерных ударов. На сей раз найти логово Виктора будет очень нелегко.

Первыми людьми, которых заменяли репликантами и убивали, конечно же, являлись работники полицейского управления и те, кто был при власти. Виктор

начнет захватывать город сверху и работать по нисходящей до последнего ничего не подозревающего жителя.

Девкалион уже видел плененных работников телефонной компании, которых направляли в один из сине-белых фургонов, после чего отвозили к складу для уничтожения.

Когда грузовик, ехавший по Коди, повернул на север, на Рассел-стрит, Девкалион безбоязненно и волшебным образом шагнул прямо с крыши театра на рифленую сталь ступеньки у пассажирской дверцы грузовика. Сидевший рядом с водителем удивленно повернул голову. Крепко вцепившись в ручку на стене кабины, Девкалион рывком открыл дверцу, проема которой едва хватало для его огромного тела. А затем сунул одну руку внутрь, схватил за горло сидящего рядом с водителем, раздавливая трахею, сдернул его с сиденья и вышвырнул на заснеженную улицу так, словно тот весил не больше пустотелого пластикового манекена из магазина одежды.

– Пристегиваться надо, – пробормотал он.

Чуть раньше этим вечером он обнаружил, что нынешнее поколение созданий Виктора куда слабее тех, которых желавший стать богом производил несколько лет назад в Новом Орлеане.

Тех существ с трудом брал даже «Урбан Снайпер», дробовик, применяемый исключительно полицией и стрелявший пулями, а не крупной дробью. Эти же репликаны из Монтаны были крепче обычных людей, но для Девкалиона, намного превосходившего их по силе, оставались легкой добычей.

Движение грузовика отшвырнуло дверцу обратно на гиганта, но он обладал невероятной способностью терпеть боль. Вновь распахнув дверцу, Девкалион ввинтился на пассажирское сиденье и захлопнул ее за собой.

Ликвидация одного из парной команды и проникновение в транспорт заняло считанные секунды. Сбитый с толку водитель начал тормозить, лишь когда увидел, как партнера выдергивают из кабины. Девкалион, потянувшись к ключу, выключил мотор.

Удивленный, но не испуганный – эти новые репликаны, похоже, были бесстрашными, – водитель взревел и, сжав правую ладонь, ударил гиганта кулаком, но тот перехватил эту руку на середине удара, вывернул ее и сломал в запястье.

Водитель хрюкнул, однако не вскрикнул от боли. Грузовик продолжал двигаться по инерции, Девкалион же обхватил левой ладонью затылок противника, ударяя репликанта лицом о руль. Он бил его снова, снова и снова, всего дважды задев клаксон.

Петляющий грузовик быстро потерял инерцию, переднее левое колесо наехало на обочину, с трудом взобравшись на нее, и водитель прекратил сопротивление. Фургон наконец заглох, мягко ткнувшись передним бампером в фонарный столб.

Девкалион не сомневался, что репликант уже мертв, но для верности обхватил его удушающим захватом и сломал ему шею.

Два этих убийства нельзя было назвать убийствами. Истинные душегубства являлись прямым преступлением против человечества. Данные же образцы из ныне действующей лаборатории Виктора людьми не были ни в каком смысле этого слова. Мерзость. Монстры. Лабораторные крысы.

Девкалион вовсе не ощущал вины за их уничтожение, поскольку он в конечном итоге был тоже монстром, более ранней моделью в производственном ассортименте Виктора. Возможно, он в некотором роде очистился от скверны своих давних преступлений и возвысился благодаря векам страдания. Его можно было даже назвать монстром со священной миссией, но все же по сути монстром, продуктом гордыни Виктора, созданным из тел повешенных преступников как оскорбление Богу.

Подобно любому из новых творений его создателя, он мог быть таким же безжалостным и жестоким. Если война против настоящего мира началась, человечеству понадобится собственный монстр в качестве надежды на выживание.

Оставив труп сидеть за рулем, Девкалион вышел из грузовика. Даже в безветренную ночь такую погоду можно было назвать метелью, настолько густо сыпал снег.

Внезапно Девкалиону показалось, что падающие снежинки не отражают свечение уличного фонаря, наоборот, они сами излучают свет из глубины своей кристаллической структуры, словно стружки потерянной луны, каждая из которых обладает собственной долей лунного излучения. Чем дольше жил Девкалион, тем более волшебным он находил этот столь драгоценный мир.

Рассел-стрит, вторая главная улица, выглядела пустынной без машин и пешеходов. В этом квартале были закрыты все магазины. Но свидетель мог появиться в любой момент.

Девкалион прошел назад по следам шин и остановился возле того, кого вышвырнул из фургона. Несмотря на раздавленное горло, лабораторная крыса все еще пыталась вдохнуть и цеплялась пальцами за утрамбованный колесами снег в жалкой попытке подняться на колени. С силой наступив на шею существа, Девкалион окончил его страдания.

Труп он отнес к фургону и открыл заднюю дверь. Грузовой отсек был пуст, следующую партию невезучих жителей, обреченных на уничтожение, еще не забрали. Он зашвырнул тело в фургон. Вытащил водителя из кабины, отнес его к задней части машины, забросил в грузовой отсек ко второму трупу и закрыл дверь.

Устроившись за рулем, Девкалион завел мотор. Сдал назад, отъезжая от фонаря с тротуара на проезжую часть.

Дисплей на приборной панели высветил карту небольшого участка Рейнбоу-Фоллс. Мигающий красный индикатор GPS указал теперешнее положение фургона. Зеленая линия прослеживала путь, по которому, очевидно, водителю следовало ехать. Вверху экрана находились слова РАСПИСАНИЕ ТРАНСПОРТА № 3. Рядом с ними виднелись две кнопки с опциями, первая – СПИСОК, вторая – КАРТА. Вторая же в данный момент подсвечивалась.

Девкалион нажал указательным пальцем на СПИСОК. Карта исчезла с экрана, и вместо нее возник список назначений. Светился третий адрес – ФОЛЛС-ИНН – на углу Бэртус-авеню и Ривер-роуд. Судя по всему, там грузовику надлежало сделать следующую остановку.

Вдоль правого края тач-скрина вертикальной линией шли пять пунктов, каждый из которых обозначался цифрой. Светилась «3».

Когда Девкалион коснулся пальцем цифры «1», список на экране сменила другая подборка адресов. Надпись сверху теперь гласила: РАСПИСАНИЕ ТРАНСПОРТА № 1.

В нем тоже была подсвечена третья строка. Парная команда Транспорта № 1 к этому моменту, очевидно, успешно забрала людей по первым двум адресам и, возможно, отвезла к месту уничтожения. Следующей остановкой значилась KBOW, радиостанция, обслуживавшая не только Рейнбоу-Фоллс, но и весь прилегающий округ.

Чуть раньше этим вечером, заменив работников телефонной компании идентичными им репликантами и тем самым захватив контроль над всеми стационарными телефонами и вышками мобильной связи, армия Виктора, похоже, намеревалась взять также под контроль KBOW и таким образом предотвратить предупреждение через радио иных жителей города или обитателей небольших поселений поблизости.

Переключившись на карту, Девкалион увидел, что радиостанция находилась на Ривер-роуд, ближе к северо-восточному краю города, примерно в двух милях от теперешнего местоположения фургона. Ехать туда Транспорт № 1 должен был не более четырех минут, после чего парной команде предписывалось забрать вечернюю смену KBOW. А это означало, что нападение на радиостанцию могло уже начаться. Если Девкалион последует к KBOW по дороге, предложенной навигатором грузовика, к моменту его приезда шоу закончится.

Открыв водительскую дверь, он выпрыгнул из фургона... И шагнул с Рассел-стрит на парковку у радиостанции.

3

Мистер Лисс ехал в никуда через снег, пытаясь придумать, что же ему теперь делать. Намми О'Бэннон пустился в путь вместе с ним, тоже в никуда, потому

что Намми не умел водить, зато был хорош в роли пассажира.

Намми неловко ощущал себя в этой машине, ведь мистер Лисс украл ее, а красть очень плохо. Мистер Лисс сказал, что ключи были в замке зажигания, значит, владелец хотел, чтобы автомобилем воспользовался тот, кому он нужен. Но они не проехали и мили, как Намми понял – это была ложь.

– Бабушка говорила, если ты не в состоянии купить то, что есть у другого, или сделать себе такое же, то не стоит и дальше хотеть это. Подобное желание называется завистью, а зависть может превратить тебя в вора быстрее, чем масло тает на горячей сковороде.

– Ну уж прости, что я, дурак эдакий, не могу построить нам машину с нуля, – сказал мистер Лисс.

– Я не называл вас дураком. Я никого не обзываю. Это невежливо. Меня самого часто дразнят.

– А я люблю обзывать людей, – промолвил мистер Лисс. – Меня это радует. Мне приятно дразнить других. Маленькие дети почти всегда плачут от того, как я их обзываю. И никто не смеет говорить мне, что я не могу делать того, что приносит мне столько невинного удовольствия.

Мистер Лисс уже не выглядел таким страшным, как давеча в тот же день. Коротко подстриженные седые волосы старика все еще торчали во все стороны, будто напуганные гадкими мыслями в его голове. Лицо мистера Лисса до сих пор морщилось, словно он только что откусил кусок лимона, глаза оставались такими же опасно-голубыми, как язычки газового пламени, крошечные лоскутки сухой кожи все так же топорщились на его потрескавшихся губах, а зубы были серыми. Казалось, он мог неплохо существовать без еды или воды, питаясь одной лишь злостью. Однако определенная доля страха, который он внушал, отступила. Порой он мог даже вызвать симпатию.

Намми никогда не злился. Он был слишком глуп, чтобы злиться. И это одно из преимуществ того, что ты действительно глуп, настолько, что тебя даже не заставляют ходить в школу: твой мозг не способен задуматься так серьезно, чтобы из-за чего-то разозлиться.

Он и мистер Лисс были странной парочкой, напоминающей тех чудаковатых двоих, которых Намми видел в некоторых фильмах. Там эти закидонистые люди всегда копы, один из них спокойный и добрый, а второй сумасшедший и смешной. Намми и мистер Лисс точно не были копами, однако они действительно очень отличались друг от друга. Мистер Лисс был сумасшедшим и смешным. Вот только не очень смешным.

Намми уже исполнилось тридцать, а мистер Лисс, похоже, был старше всех живущих на свете людей. Намми – пухлый и круглолицый, с веснушками, а мистер Лисс как будто состоял из одних костей, хрящей и толстой кожи с миллионом складок, как на старой истрепанной кожаной куртке.

Иногда мистер Лисс казался таким интересным, что от него невозможно было отвести взгляд, как от таймера бомбы в кино, на котором сменяют друг друга маленькие красные цифры. Однако порой, если слишком долго смотреть на него, возникала усталость и приходилось отворачиваться, чтобы дать глазам отдохнуть.

Снег, на вид очень мягкий и холодный, парил в темноте, словно крошечные ангелы в белых одеяниях.

– Снег очень красивый, – сказал Намми. – Сегодня хорошая ночь.

– О да, – отозвался мистер Лисс. – Это волшебная ночь, потрясающая красота, куда ни глянь, красивей всех чудеснейших рождественских открыток, сколько бы их ни выпускали, вот только бешеные монстры марсиане по всему городу жрут людей быстрее, чем дробилка может смлотить чертову картофелину!

– Я не забыл про марсиан, – сказал Намми. – Если они марсиане. Однако ночь все равно красивая. Так что вы хотите делать: доехать до окраины города и посмотреть, там ли еще полицейские с блокпостом на дороге?

– Они не полицейские, парень. Они чудовища, которые притворяются копами, и они будут там, пока не сожрут всех в городе.

Мистер Лисс ехал медленно, иногда задняя часть машины виляла или скользила то к одной обочине, то к другой. Он всегда перехватывал контроль раньше, чем они во что-то ударялись, но им уже требовался автомобиль с цепями на колесах

или на зимней резине.

Если мистер Лисс угонит другую машину с цепями на колесах и если Намми поедет с ним, зная с самого начала, что это воровство, он, наверное, и сам превратится в вора. Его вырастила бабушка, так что плохие вещи, сделанные Намми, наверняка станут ее позором перед Господом, рядом с которым она сейчас.

Намми сказал:

- Вы не узнаете, там ли чудовища-полицейские, пока не поедете и не посмотрите.

- А я знаю и так.

- Как вы можете это знать?

- Да потому, что я ужасный гений, - сказал мистер Лисс, брызгая слюной и сжимая руль настолько сильно, что костяшки его пальцев стали острыми как ножи. - Я просто знаю такие вещи, мозг у меня вот такущий. Сегодня утром в тюрьме мы двух минут не были знакомы, а я уже понял, что ты дурачок, разве нет?

- Это правда, - признал Намми.

На перекрестке перед ними полицейская машина проехала с юга на север, и мистер Лисс сказал:

- Это плохо. На машине нам из города не выбраться. Придется найти другой способ.

- Наверно, мы сможем выбраться так же, как вы забрались в него. Я всегда хотел покататься на поезде.

- В холодном пустом товарном вагоне не очень-то волшебнo и забавно, поверь мне. Что ни говори, а депо у них тоже под колпаком.

- Ну, летать мы не можем.

- О, не знаю, - сказал мистер Лисс. - Если твоя черепушка настолько пуста, как кажется, я могу привязать к твоим ногам корзину, задуть в нос горячего воздуха и улететь на тебе, будто на старом большом воздушном шаре.

Примерно квартал Намми размышлял об услышанном, а старик включил стеклообогреватель, и ветровое стекло, начавшее индеветь по краям, снова очистилось. Затем он пробормотал:

- Это совершенно бессмысленно, разве что вы пытаетесь сказать гадость.

- Возможно, ты прав.

- Я не знаю, почему вы постоянно так делаете.

- У меня это хорошо получается. А людям нравится делать то, что у них хорошо выходит.

- Но вы уже не так плохо ко мне относитесь, как в самом начале, когда мы только познакомились.

После недолгой паузы мистер Лисс ответил:

- Ну, Персик, у меня свои взлеты и падения. Никто не может быть хорош в чем-то на сто процентов 24/7.

Мистер Лисс иногда называл его Персиком. Намми не знал почему.

- Несколько раз, - сказал Намми, - я даже почти подумал, что мы, может быть, станем друзьями.

- Не нужны мне никакие друзья, - отрезал мистер Лисс. - Так что возьми «Клинекс» и высморкай эту мысль из головы прямо сейчас. Высморкай, потому что она соплива. Я одиночка и бродяга. А друзья виснут на человеке грузом. Друзья - это всего лишь будущие враги, ждущие своего часа. В мире нет ничего хуже дружбы.

- А бабушка всегда говорила, что в жизни главное дружба и любовь.
- Ты только что напомнил мне, что есть одна штука хуже дружбы. Любовь. Ничто не уничтожит тебя быстрее, чем любовь. Это яд. Любовь убивает.
- Я не могу представить, как это может быть правдой, - сказал Намми.
- А ведь так и есть.
- Нет, не так.
- Не смей называть меня лжецом, парень. Я вырывал глотки тем, кто называл меня лжецом. Я отрезал им языки и жарил с лучком на завтрак. Я опасный сукин сын, когда разозлюсь.
- Я не говорил «лжец». Вы просто ошибаетесь насчет любви, просто ошибаетесь - и все. Бабушка любила меня, и любовь меня не убила.
- Она умерла, разве нет?
- Ее убила не любовь, а болезнь. Если бы я мог забрать в себя ее рак и умереть вместо нее, я бы сейчас был мертвый, а она живая, здесь, с вами.

Минуту они ехали молча, затем мистер Лисс сказал:

- Тебе не всегда стоит слушать меня, парень, или принимать то, что я говорю, слишком серьезно. Не все мои слова гениальны.
- Возможно, большая часть, но не то, что вы только что сказали. Знаете что? Может, нам удастся скатиться.
- Что удастся?
- Ну, на снегоходе.

Мистер Лисс аккуратно подвел машину к обочине и затормозил.

– Мы сможем уйти по земле. Но достаточно ли там снега? Его вроде как выпал только дюйм.

– Он глубже дюйма, – сказал Намми. – И его быстро становится еще больше.

– И где мы возьмем снегоход?

– У людей они есть по всему городу. И есть еще место, где их продают на Медвежьей тропе.

– Еще одна чертова улица с «медведем» в названии. У того, кто называл улочки этого богом забытого захолустья, воображение было как у пенька.

– Как я уже говорил, в окр?ге водится много медведей. А зебр и тигров, чтобы назвать в их честь улицы, у нас нет.

Старик сидел молча примерно минуты две, наблюдал, как падает снег, словно тоже в конце концов понял, что это красиво. Для мистера Лисса это была долгая пауза, он всегда и по поводу всего имел что сказать. Намми обычно хорошо воспринимал молчание других людей, но в исполнении мистера Лисса это выглядело тревожно, потому что Намми вынужден был задуматься, что же тот замышляет.

Наконец мистер Лисс промолвил:

– Персик, ты лично знаешь кого-нибудь со снегоходом?

– Я знаю нескольких.

– Например?

– Например, Боза.

– Боза?

– Офицера Барри Бозмана. Люди называют его Боз. Он много смеется. И с ним чувствуешь себя не хуже других.

– Он мертв, – отрезал мистер Лисс. – Если он коп, они убили его и заменили одним из своих двойников.

Намми следовало самому понять, что Боз мертв, ведь даже начальник полиции Рафаэль Хармильо теперь являлся одним из пришельцев, так что и все остальные копы наверняка были такими же. Всех настоящих полицейских убили и съели, как это случилось утром со всеми людьми, сидевшими в камере рядом с той, откуда сбежали Намми и мистер Лисс.

Бабушка всегда говорила: не важно, насколько все печально, нужно помнить, что когда-нибудь ты снова будешь счастлив, поэтому надо продолжать жить. Важно, говорила она, продолжать жить, быть счастливым и поступать правильно, потому что, если ты будешь жить достаточно долго, достаточно счастливо и достаточно часто делать хорошие вещи, ты будешь жить с Богом. Тех, кто бросает дело, Бог не любит.

– Он женат? – спросил мистер Лисс.

– Кто?

– Да черт возьми, парень, в твоей голове столько пустого места, что его можно сдавать в аренду, так как у тебя между ушей целый чертов склад, забитый пустыми полками. Боз! О ком еще я могу спрашивать? Боз женат?

– У Кику голова раздулась, она отправилась в Тихие, а та просто улетела, вот так вот – не угадаешь.

Мистер Лисс сжал большой костлявый кулак, и Намми вздрогнул, потому что подумал, что старик его ударит. Но затем мистер Лисс вздохнул, разжал кулак, похлопал Намми по плечу и сказал:

– Может, тебе стоит повторить это, только теперь по-английски.

Намми, удивившись, ответил:

- Но я и говорил по-английски.

- Скажи мне это на другом английском.

- Но я знаю только один вид английского.

Узловатая кисть мистера Лисса снова сжалась, между тем он опять не ударил Намми. Он поднес кулак ко рту и некоторое время кусал костяшку, а потом спросил:

- Что такое Кику?

- Это миссис Бозман, как я и сказал. Она была милой японской леди.

- Что ты имел в виду под «ее голова раздулась»?

- От укуса пчелы в шею. У нее была аллергия, но этого никто не знал, пока пчела не укусила. Говорили, ее лицо раздулось, как воздушный шарик.

- Что ты имел в виду под «отправилась в тихие»?

- «Тихие Поляны». Кладбище за Браун Бэр роуд. Пчела ужалила ее и просто улетела, но Кику умерла, так что вот так вот - в жизни не угадаешь.

- Дети у них есть?

- У Боза и Кику? Нет. И это хорошо, потому что Боз теперь тоже умер и их дети стали бы сиротами, бедными и несчастными.

- Нет, они стали бы едой для чудовищ, как этот ваш Боз. И, раз уж он коп, а теперь монстрокоп, - продолжил мистер Лисс, - мы можем забрать его снегоход, потому как его не будет дома, чтобы остановить нас. Все копы на улицах и заняты, убивают людей, строят те коконы, которые мы видели, и занимаются другими вонючими, мерзкими вещами, подобными тем, что творят их инопланетные друзья.

– Я не заметил, чтобы они воняли, – сказал Намми.

– О, они воняют. Еще как воняют.

– Наверное, у меня что-то не то с носом.

4

За рулем джипа «Гранд-Чероки», щурясь сквозь снег, Карсон О’Коннор-Мэдисон – с Майклом Мэдисоном – курсировала по Рейнбоу-Фоллс, охотясь на монстров.

Чуть раньше Девкалион сообщил им о большом количестве немаркированных фургонов с темно-синими кабинами и белыми грузовыми отсеками, которые исполняли миссию, достойную Аушвица[3 - Аушвиц – концентрационный лагерь и лагерь смерти, немецкое название Освенцима.], – собирали насильственно подчиненных горожан, а затем отвозили к месту их уничтожения на складе. Они уже обнаружили один из фургонов и попытались допросить парную команду в кабине, притворившись такими же творениями Виктора. Но водитель быстро распознал обман, сказал «вы не члены Коммуны», после чего оставалось только убить или быть убитыми.

Из предыдущего столкновения Карсон узнала, что убить этих новых големов[4 - Гolem – персонаж еврейской мифологии, искусственный человек, созданный из глины для исполнения разных черных работ, трудных поручений и пр.] Виктора сложнее, чем обычных мужчин или женщин, но куда проще, нежели его предыдущих созданий в Нью-Орлеане. Она не знала, почему он прекратил выпускать почти неуязвимый вид, который называл Новой Расой, разве что по причине своей неспособности полностью и постоянно контролировать их, что вселило в него некий страх перед собственными созданиями.

Не в силах придумать никакого другого занятия, теперь они искали очередной сине-белый фургон в надежде ранить, а не убить команду. Используя нужные техники допроса с пристрастием, можно было заставить раненых раскрыть нынешнее местоположение базы Виктора.

Снег затруднял поиски, уменьшая видимость и препятствуя мобильности даже полноприводного автомобиля. Карсон была уличной гонщицей, но это состояние дороги тормозило ее. Снег мешал.

Карсон родилась в Байо: она была луизианской девчонкой, любила каджунскую кухню[5 - Каджуны – своеобразная по культуре и происхождению субэтническая группа, представленная преимущественно в южной части штата Луизиана, а также в прилегающих округах южного Техаса и Миссисипи. В рецептах каджунской кухни обязательно присутствуют три неизменных компонента – сельдерей, лук, перец и приправы. Все ингредиенты доводятся до готовности как можно быстрее, чтобы сохранить питательные вещества; основной гарнир – рис.] и танцевала зидеко[6 - Зидеко – народный танец с быстрым темпом, популярный среди креольского и каджунского населения.]. Будучи детективом по расследованию убийств в Новом Орлеане, Карсон разыскивала Виктора Гелиоса, известного как Франкенштейн, и, после того как он и все его создания в городе умерли, она смогла смотреть на то дело как на захватывающее приключение. По правде говоря, при всем пережитом ужасе, Карсон и ее напарник, Майкл, теперь ставший мужем, получали удовольствие. Полицейская работа всегда развлекала. Лучшее веселье – убивать плохих парней: оружие было классным. Даже когда в тебя стреляли, было весело, пока стрелки? продолжали промахиваться.

Карсон и Майкл больше не работали полицейскими, они стали частными детективами и жили теперь в Сан-Франциско. Здесь, в Монтане, Майкл и Карсон оказались в чуждой для себя среде и без полномочий, хотя и не без тяжелого вооружения, включая «Урбан Снайперы», дробовики, стрелявшие пулями, способными завалить гризли. Вооружение такой силы само по себе обладало авторитетом. Но, несмотря на обладание оружием, хотя оно и лежало в суперкрутых черных гортексово-термолитовых чемоданах, они не смеялись с тех пор, как метель еще не началась, и перспективы посмеяться казались призрачными, ведь ситуация в Рейнбоу-Фоллс была просто отчаянной.

– Хренов снег, – пробормотала Карсон.

– Это замечание я слышу от тебя уже примерно в десятый раз, – отозвался Майкл.

– Я тебе наскучила? Наш брак окончен? Хочешь себе другую женщину, которая будет говорить про снег только хорошие вещи?

– Вообще-то скука меня заводит. Развлечений мне хватило на целую жизнь. Так что чем скучнее ты становишься, тем больше я завожусь.

– Джонни Кэш, ты едва удержался в рамках. Лучше следи за собой.

В этом южном пригороде частная собственность исчислялась половинами акров или чуть больше. Вечнозеленые деревья выросли настолько высоко, что верхушки словно вплетались в само небо, а дома под ними по контрасту казались меньше, чем были.

Здесь царила атмосфера Черного Леса, сказки, но такого леса, в котором в любой момент может появиться тролль с неумным аппетитом. Сквозь рваную пелену густо падающего снега казалось, будто огни в окнах каждого дома мерцают обещанием тайны и волшебства.

Один дом, стоявший чуть поодаль от улицы в сравнении с остальными – примерно на акр, – казался центром существенной активности. Несколько пикапов и внедорожников были припаркованы на подъездной дорожке у дома под разными углами друг к другу, моторы работали, фары светили на полную. Клубы? выхлопов поднимались сквозь снег и смешивались с яркими лучами. Прошивая темноту и метель, они на разном отдалении от дома выхватывали светом потрескавшиеся стволы деревьев.

Поскольку в этом районе не было ни тротуаров, ни фонарей, Карсон выехала на обочину и остановилась, чтобы лучше оценить увиденное. У машин стояло несколько человек, и кто-то – с такого расстояния виднелся лишь неясный силуэт – застыл на крыльце, словно охраняя вход в дом. Комнаты за каждым окном были ярко освещены, то и дело за стеклами мелькали быстрые силуэты.

– Мы или они? – поинтересовался Майкл.

Взглянув мимо него на дом, Карсон ответила:

– Сложно сказать.

Ее внимание отвлек резкий стук в стекло водительской дверцы. Снаружи оказался мужчина с моржовыми усами, в шинели и шляпе-стетсоне[7 -

Ковбойской шляпе.], постукивающий по стеклу дулом дробовика, нацеленного в лицо Карсон.

5

Транспорт № 1 еще не прибыл, когда Девкалион шагнул с далекой Рассел-стрит на парковку перед KBOW. К тому моменту четыре машины выстроились в ряд по левую сторону от здания, а у главного входа, там, где парковка не предполагалась, стоял «Форд-Эксплорер».

Судя по пару, поднимавшемуся от снега, падающего на капот «форда» и тут же тающего, мотор внедорожника заглушили всего мгновение назад.

В одноэтажном кирпичном здании находилась радиостанция. За домом возвышалась сетчатая башня радиопередатч, увенчанная красными огоньками, мигавшими высоко в снежной ночи.

Двое мужчин, очевидно, из «эксплорера», подошли к входной двери. Девкалион был за их спинами, поэтому они не знали о его приближении. Скорее всего, это люди Виктора, передовая команда, ведущая наступление на ночную смену станции. Но он не мог атаковать их, не получив хоть какого-либо доказательства их намерений.

Сделав единственный шаг, Девкалион перенесся с парковки в приемное фойе за главным входом. Свет был приглушен, и за стойкой никого.

Услышав звук ключа в замке передней двери, Девкалион, развернувшись на каблуках, в тот же миг нырнул из фойе в коридор за закрытой дверью. Он опережал явившихся, для чего надо было верно предугадывать их следующие шаги. Динамики под потолком тихо вещали голосом нынешнего ведущего. Судя по его словам и легкому монтанскому акценту, он, скорее всего, местный, к тому же в эти непопулярные часы суток было бы неразумно использовать главных звезд.

На первой двери налево значилось «Мужской». Девкалион шагнул в маленький туалет, где пахло сосновым освежителем для унитаза. Свет он включать не стал, но дверь оставил приоткрытой на дюйм для наблюдения за коридором.

Девкалион услышал, как они входят в приемное фойе, и миг спустя они прошли мимо, даже не взглянув в его направлении. Вид у них был суровый и решительный.

Пройдя еще немного по зданию, они открыли дверь, и кто-то в той комнате сказал:

– Уоррен? Разве ты не ушел домой?

Поскольку при входе дверь туалета отворилась бесшумно, Девкалион, смело распахнув ее снова, шагнул в коридор за Уорреном и его сопровождающим. Они уже исчезли в комнате, расположенной дальше по коридору, оставив дверь нараспашку.

Тот же голос, что приветствовал Уоррена, внезапно зазвучал тревожно:

– Эй-эй, какого черта?

А затем раздались звуки борьбы.

Переступая порог, Девкалион увидел двоих мужчин в зимней одежде – пару из «эксплорера» – и третьего, одетого в джинсы и футболку. Третий сидел за Г-образным пультом управления, испещренным световыми индикаторами, калибровщиками и переключателями. Один из нападавших прижал его к пульту, в то время как второй вытащил из кармана лыжной куртки маленький инструмент, похожий на пистолет. Устройство точно выстрелило бы одной из тех серебрястых игл с закругленными шляпками, лишавших людей свободы воли и, возможно, иных способностей, что пугало не меньше.

Тихий, как тень, Девкалион двинулся вперед, удивив этого трутня из улья Виктора. Он остановил запястье руки, державшей мозговой зонд, сломал пальцы, как будто те были хлебными палочками, вывернул оружие из сжатой руки, вдавил дуло в висок репликанта и нажал на курок.

Девкалион стоял лицом к лицу с дублем, поэтому хорошо видел, как его зрачки быстро расширились, а затем сжались в точки, будто свет в комнате вначале потускнел, а затем засиял ярче солнца. Репликант рухнул на пол и замер там так, словно поблескивающая бусина на его виске обладала массой огромного булыжника, пригвоздившего его к месту.

Среагировав, вероятно, быстрее, чем смог бы обычный человек, но в сравнении с Девкалионом – как черепаха, состязаясь с зайцем, второй дрон отпустил инженера, лицо которого вжимал в контрольную панель. И сунул руку в карман своей лыжной куртки. Его самоуверенность проистекала из запрограммированной идентичности, гласившей: представители новейшей расы Виктора превосходят всех, кого могут встретить. Но, как и любая идеология, основанная на лжи, она не выдержала столкновения с суровой реальностью. Самой суровой реальностью из тех, что могло встретить это создание, являлись скорость и сила, полученные Девкалионом от странной молнии, подарившей ему жизнь – и куда больше, чем жизнь, – во время грозы.

Кулаки Девкалиона были размером с кувалду. Удар за жестоким ударом заставляли потрясенного дрона скользить назад. Быстрая серия атаки в горло раздробила его дыхательные пути. Он попытался вдохнуть, но не вышло. Лишившись дыхания, репликант потерял и силы для сопротивления удушающему захвату. В этой умелой хватке его шейные позвонки разлетелись, и он рухнул в объятия своего палача, а затем из них на пол, безвольный, обмякший и безжизненный, как связанная кипа тряпок.

На первого дрона мозговой зонд не подействовал таким образом, как он влияет на настоящих людей. Репликант остался жив, дергался на полу, будто полураздавленный жук, цеплялся за ковер пальцами. Дрожь заставляла его стучать зубами. Глаза дико вращались в глазницах. Облачка голубого пара вырывались у него из носа, не ритмичными выдохами, а постоянным потоком.

Девкалион наступил сапогом на шею создания, пригвождая его к полу. И надавил сильнее, всем своим весом, пока резкий треск позвонков, будто щелчок выключателя, не положил конец спазматическим движениям и испарениям.

Подняв взгляд от мертвого дрона, Девкалион обнаружил, что инженер глядит на него с ужасом. Размеры гиганта были не единственной причиной, способной внушить парализующий страх даже самым отважным людям.

За малым исключением, его раны заживали быстро, он никогда не болел, но искалеченная половина лица, пострадавшая в схватке с его создателем несколькими веками ранее, служила постоянным напоминанием о том, что и он тоже в конечном итоге смертен. Возможно, только Виктор, единственный в мире, обладал силой, способной его уничтожить, однако это была теория, подтверждений которой Девкалион предпочитал не искать. Раздробленные кости и гротескные впадины этой половины его лица частично скрывала замысловатая многоцветная татуировка, нанесенная монахом тибетского монастыря. Рисунок был гениален, он отвлекал взгляд от жутких шрамов и отвратительных контуров, на которых яркие чернила, казалось, постоянно находятся в движении. И все же Девкалион жил в основном по ночам и в тених, поскольку кто угодно при внимательном взгляде – как сейчас смотрел вот этот радиоинженер – мог сквозь татуировку разглядеть правду.

К тому же в глазах Девкалиона периодически пульсировал слабый свет, будто молния, пробудившая его к жизни, осталась в нем, пустившись в бесконечное путешествие по нервам. Он наблюдал это явление в бесчисленных зеркалах в ходе столетий, и даже его это способно было встревожить, пускай по иной причине, не той, что пугала других.

Будучи сшитым из множества трупов, он иногда задумывался о том, может ли этот свет являться доказательством того, что в тот момент, когда молния оживила его, он получил не только свои безграничные силы, но также и душу, возможно, уникальную душу. Он сумел полюбить этот сложно сплетенный мир во всей его славе и красоте, но устал от раздоров, которые тоже были частью сплетенной ткани. И он устал от одиночества, уникального одиночества того, кто не был рожден от мужчины и женщины. Девкалион надеялся на лучшее мироздание за пределами этого места, на реальность, где царят мир, милосердие... а еще идеальная нежность. Но его также тревожила возможность обладания душой, поскольку ярость и убийственная жестокость тех ранних лет, когда он был чрезвычайно зол и полностью сбит с толку, оставили ему давящее бремя вины, и ее следовало искупить. Возможно, мирная реальность для него – недостижимая награда. Внутренний свет Девкалиона мог быть отблесками неминуемого адского пламени.

Инженер, поднявшись с кресла, стоял теперь в углу Г-образного пульта и смотрел на Девкалиона так, словно тот и вправду был демоном. Круглое лицо с подвижными чертами куда больше подходило для улыбок и смеха. Выражение шока и ужаса так контрастировало с самой природой внешности человека, что

казалось почти комичным, как преувеличенный испуг мима, старающегося бессловесно донести эмоцию до аудитории.

– Они не были людьми, – промолвил Девкалион. – И, вне зависимости от того, что может показаться, я не один из них. Но их куда больше, и вскоре они будут здесь.

Рот инженера зашевелился, однако не издал ни единого звука. Обеими дрожащими руками он замахал так хаотично, что никакого смысла эти жесты не несли.

– Соберись. Ты будешь вынужден драться или умереть. Иного выбора нет. Сколько вас в этом доме?

Инженер вцепился одной рукой в другую, словно в попытке удержать их на месте, а когда наконец заговорил, голос его был неожиданно спокойным:

– Четверо. Нас здесь только четверо.

6

Джоко на грани величия. В кабинете милого домика, где он живет с Эрикой Пятой. За городской чертой Рейнбоу-Фоллс. Снег в окне.

Иногда Джоко сидел на вращающемся стуле перед компьютером. Порой стоял на нем на коленях. Временами просто стоял. Стоял и танцевал. Танцевал так интенсивно, что стул вращался. Его красно-зеленая шапочка с серебристыми бубенцами весело звенела.

Иногда Джоко печатал ногами. Длинными отвратительными пальцами ног. Мерзкими, но гибкими и проворными. Хорошо пригодными для печатанья.

Пальцы на руках у него тоже были уродливыми. Все в его теле было безобразным. Даже его странный язык с тремя волосками.

Джоко был опухолью.

Точнее, он начинал как опухолеподобный бугор биологически хаотичной плоти на одном из представителей Новой Расы Виктора в Новом Орлеане. А потом он обрел самосознание. Опухоль с характером. С надеждами и мечтами. И быстро рос. Позже он вылупился из тела носителя. Стал чем-то большим, нежели опухоль. Чем-то лучшим.

Он стал чудовищем. Некоторые люди кричали, когда видели Джоко.

Другие теряли сознание. Птицы атаковали его с высоты. Кошки шипели, а крысы сбегали с пищанием. Джоко был очень эффективным чудовищем. Бесформенный череп. Бледная бородавчатая кожа. Безгубая щель рта. Странные желтые глаза, слишком большие для его головы, один больше другого.

Чудовище было куда более уважаемой штукой, нежели простая опухоль.

Никому не нравились опухоли. Что в них могло нравиться? Но вот о монстрах писали книги. И фильмы о них снимали тоже. Некоторых чудовищ люди любили настолько сильно, насколько боялись.

Когда начинаешь свой путь в качестве опухоли с мозгом, остается только расти. Джоко со всей страстью подошел к самосовершенствованию. Но, хотя он стал чудовищем и обрел еще большие стремления, все же оставался скромным. Он никогда не забывал, откуда возник.

Родившийся опухолью ею и остается.

Будучи чуть выше гнома, Джоко втайне желал быть ростом в сто восемьдесят пять сантиметров. И красивым. С волосами на голове, а не на языке. В некоторых своих снах Джоко был не собой. Он был звездой кино. Часто Джорджем Клуни. Иногда Эштоном Катчером. Один раз даже Дакотой Фаннинг. И он знал, каково это, когда тебя все любят. Он желал на самом деле стать красавцем-кинозвездой. Не важно, кем именно, только не Джонни Деппом. Джонни Депп пугал Джоко.

От мысли о Джонни Деппе у Джоко жутко задрожали руки. Уродливые пальцы затарахтели по клавиатуре, на экране появилась абракадабра. Он убрал руки от клавиш. Медленные глубокие вздохи. Тихо. Спокойно. Джонни Депп как минимум в тысяче миль от Рейнбоу-Фоллс.

Джоко не просто печатал на компьютере. Он не играл в игры. Не работал в листах Excel. Он хакерствовал. Его путь онлайн шел не через телефонную или кабельную компанию, а через спутниковую тарелку на крыше. Джоко был грозой файерволов[8 - Компьютерных антивирусных программ.], дробителем кодов, творцом обходных путей и дровосеком интернета, способным выкачать больше данных, чем Эксон выкачивал нефти.

Вот почему он надел красно-зеленую шапку с серебряными бубенчиками. Его хакерскую шапку. Других шапок у него было еще тринадцать. На разные случаи жизни. Джоко любил шапки.

Девкалион – чудовище из чудовищ, первенец Виктора, наставник и знаток, легенда! – доверил Джоко важное задание. Взломать защищенные данные департамента по регистрации транспортных средств. Найти, кому принадлежит сине-белый фургон с определенным номером.

Джоко был частью команды. Нужным. Может, даже героем.

В прошлом Джоко иногда был браком. Неудачей. Ошибкой. Дураком. Идиотом, дубиной, простофилей, глупцом.

Но все это было в прошлом. Теперь он собирался сделать так, чтобы мама им гордилась.

Эрика не была его биологической матерью. У бывших опухолей не бывает настоящих мам. Она неофициально усыновила его.

Они не гуляли в парке, как прочие мамы с детьми. Не ходили в город за мороженым и газировкой. В тех редких случаях, когда люди видели Джоко, они хотели немедленно забить его палками. Палками, зонтами, тростями, ведрами, тем, что подвернется под руку. До сих пор Джоко не бывал того типа чудовищем, который нравится большинству людей не меньше, чем пугает их. Ради его собственной безопасности Джоко был ограничен этим домом и сорока

акрами земли вокруг него.

Эрика Пятая, живущая теперь как Эрика Сведенборг, являлась пятой из пяти идентичных жен, которых Виктор вырастил в своих контейнерах сотворения в Новом Орлеане. Первые четыре его разочаровали.

Они были уничтожены.

Виктор не верил в развод. Эрика Пятая тоже разочаровала его. Но она сбежала в ночь, когда злобная империя Виктора в Луизиане рухнула. Сбежала, прихватив с собой немало его денежек. Она была единственным представителем его Новой Расы, пережившим ту катастрофу.

Джоко внезапно вытащил последние пароли ДРТС так же легко, как вынимал банан из кожуры, и оказался внутри.

– Банзай! – закричал он.

Джоко ввел номер разыскиваемого грузовика. Запросил данные о владельце. Информация появилась на экране.

– Ура! Урр-ра! Ура!

Фургон принадлежал некоммерческой организации «Движение к Идеальному Миру». Звучало приятно. Тепло и уютно. Движение – это хорошо. Идеальный мир тоже хорош. Даже чудовище с лимонно-желтыми глазами и практически без должного нравственного воспитания могло понять, насколько это хорошие вещи.

У «Движения к Идеальному Миру» был адрес. В Рейнбоу-Фоллс. Джоко распечатал его.

Выйдя из базы ДРТС, Джоко поискал вебсайт «Движения к Идеальному Миру». Его не оказалось. Это было странно. Подозрительно. Благотворительные организации обязаны иметь свой сайт. У всех был свой сайт.

Даже у Джоко был свой сайт: www.jocjothinksaboutlife.com[9 - Дословно: Джокодумаеожизни. ком. (Примеч. перев.)]. Когда его посещали важные озарения по поводу жизни, он постил их там. Возможно, его мысли могли помочь людям. Всего несколько дней назад он запостил: «Все маффины вкусные, но некоторые вкуснее других, и это не оскорбление менее вкусных маффинов, а просто такова уж жизнь. Мне особенно нравятся с желе».

Джоко проверил общедоступные данные о корпорациях Монтаны. Хакать их не требовалось. У «Движения к Идеальному Миру, Инк.» оказался адрес. И он совпадал с указанным в ДРТС.

Генеральным директором значился Виктор Лебен. Имя не было совпадением. Виктор Франкенштейн. Потом Виктор Гелиос. Теперь Виктор Лебен. Виктор.

- Е-мое!

Буква о в имени Виктора на экране вдруг показалась глазом... Глядящим на Джоко. Виктор узнает, что Джоко его нашел. Виктор все знает.

На Джоко была футболка с изображением Бастера Стилхаммера, величайшей звезды в мировой истории реслинга. Обычно футболка делала его храбрым. Но не теперь.

О в Викторе. Смотрит. Невозможно. Но Виктор мог все. Виктор был всемогущим.

Плохо. Очень плохо. Ужасно. Катастрофа! Джоко внезапно оказался переполнен негативной энергией. Нервы напряглись. Сердце свело от страха. Надо его стряхнуть, стряхнуть. Танцуй! Танцуй!

Джоко вскочил на ноги в кресле. Он танцевал отчаянно. Кресло вращалось. Виктор смотрел через о в своем имени, как-то, каким-то образом смотрел.

Танцуя, вращаясь под взглядом Виктора, Джоко был все равно что мертв.

Джоко был мертвым танцующим монстром.

Сидя за рулем своего «Ленд-Ровера», Даггет следовал по серпантинной дороге через Рейнбоу-Фоллс, надеясь, что его интуиция слуги закона подскажет, сколько поворотов надо сделать. Он подозревал, что, скорее всего, едет наобум.

Фрост на пассажирском сиденье изучал свой лэптоп. На экране, на части карты города, мигала красная точка, отображая текущее положение патрульной машины с начальником полиции Рафаэлем Хармильо за рулем. Днем ранее они тайком прикрепили маячок к автомобилю Хармильо и с тех пор следили за его передвижениями. С предыдущего утра чиф[10 - Чиф (англ. chief) – шеф, начальник.] посетил множество мест по всему городу, но лишь одно из них было непосредственно связано со службой порядка.

– Ага, – сказал Фрост. – Он только что остановился на углу Монтана Пауэр и Лайт. Конечный пункт.

«Ленд-Ровер» был оснащен полицейским сканнером, но Даггет и Фрост уже перестали его слушать. Более двенадцати часов назад чиф Хармильо и его люди прекратили пользоваться общим десятичным кодом, понятным любому копу где угодно, и начали использовать код собственного сочинения. Фрост пытался взломать его при помощи компьютера, но не сумел. Незакодированные части полицейских передач представляли собой короткие утверждения без особой информации.

– Хочешь отправиться к энергокомпании? – спросил Фрост. – Взглянуть, что там происходит?

– Я скорее думал, пока шеф мотается по делам, мы могли бы остановиться у его дома и немного побеседовать с его женой.

Даггет и Фрост, пробывшие в городе уже три дня, работали агентами отдела ФБР, настолько секретного, что он не был известен даже директору бюро. Они считали, в Рейнбоу-Фоллс происходит нечто чертовски плохое, но понятия не имели, что именно это может быть. Человек, сообщивший им о ситуации, знал только то, что за последние несколько лет в этот город поступали огромные суммы денег, пущенные на какую-то деятельность некоммерческой организации

«Движение к Идеальному Миру». Сумма оказалась настолько громадной – фонды отмывались через такое количество счетов, прежде чем прибыть сюда, – что предполагала криминальное предприятие небывалых масштабов.

И сегодня после обеда от начальника своего отдела Мориса Мумо в округе Колумбия они узнали, что Финансист, источник этих фондов, должен на следующий день прибыть куда-то в Рейнбоу-Фоллс. Если позволит погода, он прилетит на вертолете из Биллингс. Финансист был высокопоставленной личностью. Если эта личность решилась на частный визит, тайная организация – какого бы рода она ни была – наверняка приблизилась к кризисной точке той или иной степени.

– Поговорить с женой Хармильо? – Фросту идея не понравилась. – Я пока не готов сбросить наше прикрытие.

– Я не говорил, что мы будем светить перед ней значками бюро. Явемся к ней с какой-то историей, послушаем, что она скажет нам, и осмотрим дом изнутри, вот и все.

Фрост покачал головой:

– Я плохо притворяюсь.

– Ты видел меня в действии. Я могу сработать за десятерых. Ты просто стой там, улыбайся и кивай, а с остальным я справлюсь сам.

Фрост задумчиво уставился на мерцающую с монитора точку на карте, затем взглянул сквозь лобовое стекло на падающий снег. Весь день атмосфера в Рейнбоу-Фоллс была странной, тревожащей. Он не мог сказать почему. Поведение полиции предполагало вовлеченность в некую тайную и, возможно, противозаконную деятельность, но одного только этого было мало для столь глубокой его тревоги. В последние несколько часов у него возникло чувство, будто кажущаяся нормальность Рейнбоу-Фоллс является обманом, а затейливый милый городок лишь гиперреалистичная картина на занавесе. Казалось, этот занавес способен в любую секунду отдернуться и открыть совершенно иной набор странных отвратительных зданий, пребывающих на серьезных стадиях разрушения, узких петляющих улочек и мрачных диких и безымянных опасностей, таящихся в каждой тени.

Сейчас, проглоченный белым снегом, город не просто исчезал за пеленой, которой позже суждено было раствориться под ярким солнцем, а полностью выцветал из самого мира. Это происходило так, словно с таянием снега Рейнбоу-Фоллс должен был сгинуть, будто его никогда и не было.

Фрост являлся одним из тех, кого нелегко напугать. До нынешнего момента он не обладал и тем типом воображения, что сплетало из теней гоблинов и чуяло Буку за каждым углом.

Проблема заключалась не в нем. Проблема была в Рейнбоу-Фоллс. Что-то с этим местом очень сильно не так.

– Ладно, – сказал он. – Давай поболтаем с женой Хармильо.

8

Кроме парня в стетсоне и шинели, еще двое мужчин материализовались вдруг из ночи и снега. Они также были вооружены дробовиками.

У Карсон и Майкла вдобавок к «Урбан Снайперам» имелись собственные пистолеты, но, сидя в «Гранд-Чероки», эта пара находилась не в том положении, чтобы выжить в перестрелке.

Обращаясь к Майклу, Карсон сказала:

– Я могу переключить передачу и дать по газам.

– Плохая идея. Я забыл утром принять свою таблетку неуязвимости.

– Тогда что нам делать?

– То, чего они от нас захотят, – сказал Майкл.

– Это слова слабака. Мы не слабаки.

– Иногда ты слишком крута себе же во вред, – заметил он.

Обладатель моржовых усов снова постучал дулом в ее окно. Выглядел он так, будто с рождения страдал от запора. Когда Карсон улыбнулась ему, его хмурое лицо стало откровенно сердитым.

Карсон подумала о Скаут, своей малышке, ей не исполнилось и семи месяцев, когда супруги оставили девочку в Сан-Франциско, вверив ее опытной заботе Мэри Маргарет Долан, домоправительницы и няни. О маленькой дочери, улыбка которой могла растопить ледники. Вспомнив о Скаут, Карсон испытала ужас оттого, что, возможно, больше никогда ее не увидит.

Заглушая мотор, она сказала:

– Они ошибутся. И мы получим преимущество.

– Все к лучшему в этом лучшем из миров.

– Кто это сказал?

– Не знаю. Один из Маппетов. Может, Кермит[11 - Кермит – лягушонок, один из главных персонажей «Маппет-шоу», англо-американской телевизионной юмористической программы с куклами-маппетами, созданной Джимом Хенсоном и выходившей в эфир в 1976–1981 годах.].

Они, открыв дверцы, вышли из внедорожника и вскинули руки, таким образом демонстрируя, что не вооружены.

Ковбой с моржовыми усами опасно отступил от Карсон, словно она была самым худшим из всего, что он видел. Выражение его лица предполагало бесстрашие, но быстрое поверхностное дыхание, выдаваемое облачками пара, обнажало истину за этим суровым выражением. Он направил Карсон к передней части «Гранд-Чероки».

Один из оставшихся стрелков от пассажирской двери провел туда же Майкла и велел ему встать рядом с Карсон. На этом тоже был стетсон и кожаная куртка с овчинным воротником. Холодный воздух выдавал его дыхание, чуть менее неровное, чем у первого. Но в беспокойных глазах, то и дело мечущихся от Карсон к Майклу и в разные точки ночи, угадывался страх, который он пытался скрыть.

Они не были творениями Виктора. Они являлись настоящими людьми, по неизвестной причине узнавшими, какие ужасные события происходят за кулисами этой якобы мирной ночи Монтаны.

Третий мужчина, быстро обыскавший внедорожник, вынырнул из него, держа в руках, кроме собственного дробовика, один из «Урбан Снайперов».

– У них тут еще одна такая штука. Никогда раньше ничего подобного не видел. Пистолетная рукоятка. А заряжен крупным калибром вместо дроби. У них два пистолета, сумка с запасными магазинами и зарядами для дробовика.

Второй ковбой взглянул на усатого.

– Что хочешь делать, Тиг?

Тиг указал на «Урбан Снайпер» и обратился к Майклу:

– Не пояснишь ли нам, что это за пушка в руках у Арвида?

– Это полицейская серия. Недоступна в свободной продаже.

– Вы из полиции?

– Раньше были.

– Но не здесь.

– Новый Орлеан, – сказал Майкл.

- Бывшие, однако пушка у вас из тех, что позволены только полиции.

- Мы сентиментальны, - ответил Майкл.

- Мадам, как вы носите настолько мощное оружие? - спросил Тиг.

- Справляюсь, - ответила Карсон. - И с тобой могу справиться.

- Из какого вы отдела полиции?

- Из лучшего. Детективы. Убойный.

- И всегда так прямолинейны?

- Меньше шансов неправильно понять что-то, - промолвила Карсон.

- Моя жена на вас похожа, - сказал Тиг.

- Каждый вечер опускайтесь на колени и благодарите Бога за такую леди.

Большинству людей не хватало смелости на прямой зрительный контакт с Тигом. Взгляд у него был острый, как скальпель. Карсон почти слышала стальной звон, с которым столкнулись их глаза.

- И что же вы тут делаете, раскатывая с таким арсеналом? - спросил Арвид.

Карсон взглянула на Майкла, тот поднял брови, и она решила выдать немного правды, просто чтобы посмотреть, к чему это приведет:

- Охотимся на монстров.

Трое ковбоев затихли, взвешивая ее слова и переглядываясь друг с другом. Мягкий снег все падал беззвучно, дыхание парило в холодном воздухе, огромные темные деревья вдоль улицы медленно таяли в белизне... Тихая реакция мужчин на ее странное утверждение предполагала, что они уже пережили нечто, сделавшее охоту на монстров практически столь же обоснованной, как и любую

иную деятельность.

- Что вы видели? – спросила Карсон.

Безымянный ковбой, обращаясь к своим товарищам, сказал:

- У них оружие. Это значит, они должны быть как мы. Им нужно оружие.

- Клинт прав, – отозвался Арвид. – Тем машинам для убийства оружие не требуется. Мы видели, на что они способны без него.

- Машинам? – спросил Майкл.

В отличие от Арвида и Клинта, Тиг не опустил дробовика.

- Они выглядели как настоящие люди, однако не были ими. Похожи на Терминатора, но еще более странные.

- Космические пришельцы, – заявил Арвид.

- Хуже того, – промолвила Карсон.

- Не знаю, что может быть хуже.

- Мадам, – сказал Тиг, – вы имеете в виду, вам известно, чем они являются?

- Чтобы обсудить это, нам стоит уйти с улицы, – предложила Карсон. – Кто знает, что может случиться в следующий момент. Клинт прав, мы с вами на одной стороне.

- Возможно, – промолвил Тиг.

Карсон указала на дом, стоящий среди деревьев в окружении припаркованных машин, фары которых светили во всех направлениях:

– Похоже, вы предполагаете, что придется защищать это место. Жена, о которой вы говорили, она там?

– Там.

– Как ее зовут?

– Калиста.

– Готова поспорить, Калиста придет к нужному выводу обо мне и Майкле в пять раз быстрее тебя. Ей наверняка иногда хочется пнуть тебя под зад за твое тугодумие.

– Я рассудительный. Жене это нравится.

– Куда ей деваться.

Они снова сошлись в битве взглядов, и, после того как полуулыбка дернула уголок его рта, Тиг опустил дробовик.

– Ладно, вооружайтесь. Идите за мной, давайте обменяемся информацией и подумаем, сможем ли выбраться из этой заварушки живыми.

Арвид вернул им «Урбан Снайпер».

Майкл устроился на пассажирском сиденье «Гранд-Чероки», пока его жена снова усаживалась за руль. К тому времени как она включила фары, Арвид и Клинт уже вернулись на свои наблюдательные посты, исчезнув в снегу и подлеске.

Она проехала вперед вдоль изгиба дороги и повернула вправо, на дорожку, следуя за Тигом, уже прошедшим половину расстояния до дома.

Припарковавшись за последним внедорожником из очереди машин, Карсон осознала, что перед ней значительно больше автомобилей, чем она вначале подумала, не меньше дюжины. И местность у дома была куда обширнее, чем казалась с улицы. Одинокая асфальтовая дорога, огибая дом, шла к низкому зданию, возможно, совмещавшему в себе гараж и мастерскую.

Выйдя из джипа, Карсон услышала звук моторов некоторых машин, что освещали фарами снежную ночь. Тут и там, в тенях между авто, стояли попарно люди, тихие, настороженные.

Пересекая двор, чтобы попасть к переднему крыльцу, Карсон сказала Тигу:

– Это твои соседи?

– Нет, мэм, – ответил он. – Мы принадлежим к одной Церкви. И были на семейном собрании, которое проводим раз в месяц, в придорожной закусочной мэра Поттера, когда эти пришельцы – или кто там они такие – напали на нас. Мы потеряли троих хороших парней. Но не детей, благодарение Господу.

– Какой Церкви? – спросил Майкл.

– Церкви Всадников Небесных, – ответил Тиг, когда они поднимались на крыльцо. – Те наши ребята, что погибли сегодня... мы верим – они проедут через врата Рая верхом на небесных лошадях, но это не утешает в той мере, в которой должно бы давать успокоение.

9

Нэнси Поттер, поддельная жена мэра Рейнбоу-Фоллс, вначале была недовольна расположением двадцати шести фарфоровых фигурок, стоявших на трех полках в стеклянном шкафчике гостиной Поттеров. В течение часа ее неудовольствие превратилось в раздражение, перешедшее в злость, что переросла в ярость. Будь фарфоровые фигурки настоящими людьми, она бы убила их всех, она бы выпотрошила их, оторвала бы им головы и подожгла бы их останки.

Будь настоящая Нэнси Поттер жива, эта Нэнси Поттер забила бы ее до смерти лишь за то, что она вообще купила эти фигурки. Три полки с двадцатью шестью фарфоровыми статуэтками просто невозможно было сбалансировать и сделать приятными глазу. Ближе всего ей удалось подобраться к равному количеству на каждой полке, когда с одной стороны она выставила девять, девять, восемь. С другой – идеальным числом для каждой полки, с которым выставка в шкафу

выглядела бы не чересчур пустой и не очень перегруженной, было двенадцать. Она могла бы сделать вид приемлемым и с одиннадцатью на каждой полке, но ей все так же не хватало семи фигурок. Настоящая Нэнси Поттер определенно не имела понятия о необходимости симметрии во всем, потребности в порядке и балансе.

Каждый член Коммуны понимал: идеальная симметрия, абсолютный порядок, баланс и согласованность – важнейшие принципы. Существовало множество веских норм, ни одна из которых не была важнее других: непоколебимая сосредоточенность, эффективность, безусловное равенство, единообразие, подчинение создателю Коммуны, следование холодному расчету и отрицание сентиментальности...

Настоящая Нэнси Поттер была типичным человеком, плохо сосредоточенным и неэффективным. Что уж говорить о сентиментальности! Все двадцать шесть фарфоровых статуэток были ангелами. В течение часа, который репликант Нэнси провела, пытаясь привнести симметрию в шкаф, она испытывала все большее отвращение не только к беспорядку, но и ко всем этим слащавым, сусальным, безвкусным, бессодержательным ангелам с их доводящей до бешенства сопливой восторженностью и глупой ханжеской набожностью. Они были оскорблением здравого смысла, издевательством над разумом, преступлением против эффективности. Будь настоящая Нэнси Поттер здесь, член Коммуны Нэнси забила бы ее до смерти, но не раньше, чем засунула бы каждого, до последнего, глупого фарфорового ангела этой бестолковой женщине в глотку или какое-нибудь другое дурацкое отверстие.

Выведенная из себя, она уронила двух ангелов на пол и топтала их, пока фигурки не превратились в бесполезный мусор. Осталось двадцать четыре, по восемь на полку: баланс. Но все равно они были ангелами, и полки выглядели слишком пустыми, чтобы радовать глаз. Она выхватила еще две фигурки из коллекции, швырнула их на пол и била по ним ногами, топтала, а затем еще две и еще две. Уничтожение этих сентиментальных безделушек принесло ей интеллектуальное удовольствие, огромное удовольствие от разбивания ужасно дремучих символов презираемого невежества. Она ненавидела их, эти омерзительные крылатые тотемы, чувствовала к ним отвращение, как питала ненависть к глупому человеческому существу, собиравшему их. Они должны были умереть, все до последнего, глупые люди, их необходимо уничтожить, потому что с ними умерли бы их идиотские фантазии, их дурацкие, безмозглые, иррациональные, тупые, бестолковые, инфантильные верования, идеи и

надежды. Все до единого самодовольные, полные самообмана, мужчины, женщины и дети должны умереть. Особенно дети, они хуже всего, эти грязные выделения немыслимо неопрятного биологического процесса – их всех следует растоптать, уничтожить, раздавить, растереть, ИЗМЕЛЬЧИТЬ В МЯСНУЮ ПАСТУ!

Из арки, соединявшей гостиную с холлом первого этажа, Ариэль Поттер сказала:

– Ты же не зацкливаешься, не так ли?

Это была не настоящая Ариэль, которой исполнилось четырнадцать лет.

Та Ариэль теперь мертва. Эта тоже была блондинкой с голубыми глазами, но ее запрограммировали и выпустили чуть менее девяти дней назад.

– Потому что, если ты зацкливаешься, я должна доложить о тебе нашему создателю. Ему придется отозвать тебя.

Члены Коммуны были эффективны и сфокусированы, как машины. Эффективность приравнивалась к моральности, неэффективность являлась единственным грехом, свойственным их расе. Единственным, что делало кого-то из них неэффективным, была зацкленность, к которой имели склонность некоторые представители Коммуны.

Немногие. Тенденция к зацкливанию легко распознавалась техниками Уля в течение трех дней после выпуска члена Коммуны. Техники идентифицировали бракованных представителей с точностью до 99,9 процента и возвращали их в материнскую массу, из которой всех их создавали. После тестирования каждого члена Коммуны шансы на выход зацкленного из Уля сводились практически к нулю.

И все же единственный такой представитель, действующий в мире вне Уля, мог начать работать настолько некорректно, что не сумел бы сойти за человека. Следовательно, каждый нераспознанный зацкленный способен был выдать существование расы Коммуны и предупредить человечество о том, что против него ведется тайная война.

– Я не зацкливаюсь, – сказала Нэнси.

Ариэль смерила ее прямым беспристрастным взглядом, поскольку они были абсолютно равны.

– Тогда что ты делаешь?

– Я уничтожаю хлам и привношу порядок в этот чудовищно неупорядоченный дом.

Ариэль оглядела разбитый фарфор, замусоривший весь пол.

– Я не вижу в этом порядка. В чем я ошибаюсь?

Нэнси резким широким жестом обвела оставшихся на полках ангелов, а затем ее раскрытая ладонь стала плотно сжатым кулаком, которым она им погрозила.

– Вначале я должна уничтожить эти бессмысленные образы. Это вполне логично. Они являются глупыми символами безвкусицы и беспорядка. После того как я полностью, окончательно и навсегда уничтожу этих мерзких, отвратительных, гнусных идолов, я, конечно же, вымету каждый обломок, осколок, кусочек, все пылинки до последней. И тогда гостиная станет упорядоченной, умиротворенной, безукоризненной.

Ариэль полминуты молча изучала Нэнси, а затем сказала:

– Разве использование чрезмерного количества прилагательных и наречий не является признаком обсессивного расстройства[12 - Синдрома навязчивых состояний.]?

Нэнси задумалась над вопросом. От членов Коммуны при общении между ними ожидалось интеллектуальное рвение и прямота.

Ликвидация ангелов заставила ее испытать крайнее рвение.

– В данном случае это лишь указание на интенсивность моей сосредоточенности на задании. Я сосредоточена полностью, точнее астрономического телескопа, сильнее лазера.

После секундного размышления Ариэль сказала:

– Я съела почти все из холодильника и половину того, что находилось в кладовой. Я все еще голодна. Думаю, дело в том, что мне не терпится начать. Я хочу пойти в сарай и стать тем, что я есть.

– Но ты во второй фазе, – сказала Нэнси. – Согласно графику, ты не должна приступать к работе до субботы, когда все люди в городе будут мертвы и мы получим полный безраздельный контроль.

Ариэль кивнула.

– Однако я полагаю, что идентична тебе. Я сфокусирована, как лазер, я так сосредоточена на миссии, так жажду эффективно ее продолжить, что ждать не имеет смысла. Логика говорит мне: надо руководствоваться здравым смыслом, здравый смысл – продолжать только по достойной причине. И у меня есть достойная причина, она заключается в том, что я не могу больше откладывать, просто не могу, не могу, это настоящая пытка – ждать, это невыносимо, я должна все сделать, я должна стать тем, чем создана стать, сегодня, теперь, прямо сейчас!

В течение двенадцати секунд Нэнси размышляла о том, как Ариэль преподнесла свое дело. Тысячелетний календарь и часы были частью ее программы, как и у всех членов Коммуны, она всегда до секунды знала точное время и не нуждалась в наручных часах.

Нэнси сказала:

– Графики – часть эффективности. Если ты способна справиться со своими обязанностями раньше запланированного, это лишь означает, что ты эффективнее, чем было задумано, когда тебя создавали.

– Моя готовность, опережающая график, – сказала Ариэль, – доказательство гениальности нашего создателя.

– Он величайший гений из когда-либо живших. И моя неспособность мириться с этими глупыми, безмозглыми, бессмысленными, дурацкими ангелами является

доказательством моей преданности Коммуне.

– Ради Коммуны, – сказала Ариэль.

– Ради Коммуны, – ответила Нэнси.

– Ты пойдешь сейчас со мной к сараю?

– Дай мне вначале разбить остальных.

– Хорошо. Если тебе это нужно.

– Нужно. Мне действительно очень нужно. А затем я помогу тебе с твоим становлением.

– Только поторопись, – сказала Ариэль. – У меня тоже есть потребности. Мне нужно быть в сарае, становиться тем, чем суждено быть. Я нуждаюсь в этом так сильно, что чувствую, будто взорвусь, если не получу этого как можно быстрее.

Членов Коммуны делали асексуальными, их не зачинали, а скорее производили. Они не обладали сексуальными способностями или желаниями.

Между тем Нэнси была вполне уверена: она ощущает сейчас примерно то же, что и люди во время отличного секса. Мощный прилив энергии сотряс все ее тело, и с этой энергией пришла чистая черная ненависть ко всему человечеству и всем живым существам, не созданным в Улье. Отвращение было настолько сильным и жарким, что у Нэнси даже мелькнула мысль, что она взорвется огненным столпом, а вместе с энергией и ненавистью пришло чудесное видение мертвого мира, сожженного, тихого, лишеного своей сути.

Нэнси смела оставшиеся фарфоровые фигурки со стеклянных полок шкафа. Она топтала их, одну за другой, топтала и разбивала каблуками, пинала осколки. Она подхватила голову ангела и швырнула ее через комнату с такой силой, что острая часть отбитой шеи застряла в гипсокартоне. Покрытая глазурью и нимбом голова, большая, как слива, теперь глядела на нее почти потрясенно, словно голова трофейного оленя со стены охотничьего дома. Топча, измельчая, пиная ангелов, Нэнси внезапно осознала, что кричит с некой яростной радостью,

ее пронзительные вопли эхом отдаются от стен гостиной, и этот дикий звук придал ей сил, взбудоражил ее.

И Ариэль наверняка взбудоражил тоже, поскольку та шагнула из арки в комнату и остановилась, крича вместе с Нэнси. Она вскинула кулаки и трясла ими, запрокидывала голову и мотала ею, хлеща по плечам своими длинными светлыми волосами. Ее глаза светились рассудочностью и интеллектом. Ее голос был силен и чист, полон рационализма и разума. Ариэль не отнимала момент Нэнси, она поддерживала ее, это был крик, означавший «давай-давай, девочка».

10

Мистер Лисс, припарковавшись у обочины, выключил фары, и все яркие танцующие снежинки тут же поблекли в темноте, словно свет выключился в каждой из них.

– Ты уверен, что это дом Бозмана?

– Да, сэр, – сказал Намми. – Это здесь, в одном квартале от дома бабушки, где я жил до прихода марсиан.

Уютный кирпичный дом был одноэтажным, с белыми ставнями на окнах. Переднее крыльцо обрамляли белые перила, белые железные столбики поддерживали то, что они называли крышей из печеной фольги. Намми всегда было интересно, где они нашли такую большую духовку, чтобы запечь в ней крышу.

– Ты уверен, что он живет один, Персик?

– Кику умерла, а дети у них так и не родились.

– Как давно Кику купила ферму?

– Она не покупала ферму, ей купили участок на кладбище.

– Кажется, я неправильно понял. Как давно она умерла?

– Что-то вроде двух лет назад. Раньше бабушки.

– Может, Бозман и не живет один.

– А с кем бы он жил? – удивился Намми.

– С девушкой, с парнем, с парой, с бабушкой, да хоть с гребаным ручным аллигатором. Откуда мне знать, черт побери? Этот сукин сын может жить с кем угодно. Если бы ты пользовался своим маленьким мозгом, парень, ты бы не задавал столько тупых вопросов.

– Боз живет один. Я полностью уверен в этом. К тому же там не горит свет, значит, никого нет дома.

– Аллигаторы видят в темноте, – сказал мистер Лисс. – Ну ладно, пошли. Мне нужен снегоход, я хочу убраться из этой деревни проклятых.

Дом напротив был тоже темным, и фонари на улице не горели. Асфальт и газоны покрывал снег, однако, несмотря на то что казалось, будто это белое покрывало светится, оно не светило. И снежинки падали так густо, что выглядели почти туманом, поэтому смотреть вдаль не удавалось. Даже если бы кто-то где-то выглянул в окно, этот кто-то не смог бы увидеть, что мистер Лисс несет длинное ружье, прижав его к правому боку.

У мистера Лисса было два пистолета и всевозможные патроны к ним в карманах его длинного пальто. Он нашел оружие в доме проповедника, который они сожгли, потому что там было полно гигантских коконов с растущими внутри чудовищами. Мистер Лисс сказал, что расплатится за оружие с выигрыша в лотерею – у него в бумажнике был билетик с нужным, по его словам, числом, – однако у Намми было неприятное ощущение, что на самом деле мистер Лисс просто украл оружие. Родители мистера Лисса, похоже, совсем не водили его в церковь, пока он рос.

Снег мягко похрустывал под их ногами, когда они приближались к заднему крыльцу дома, где их не могли бы увидеть с улицы. Мистеру Лиссу не

понадобился его набор отмычек – он потрогал кухонную дверь, и та открылась внутрь, скрипнув петлями.

Намми внезапно очень захотелось не входить в дом офицера Барри Бозмана, не потому, что это было плохо – входить в чей-то дом без приглашения, а потому что в доме их ждало нечто плохое. Он не понимал, откуда это знает, просто знал. Чувствовал тянущим, скользящим ощущением в животе. Напряжением в груди, которое не позволяло глубоко вздохнуть.

– Давайте сейчас уйдем, – прошептал Намми.

– Некуда уходить, – сказал мистер Лисс. – И нет времени, чтобы куда-то попасть.

Старик переступил порог, провел одной рукой по стене у двери и включил свет.

Когда Намми скрепя сердце последовал за мистером Лиссом, он увидел Боза в нижнем белье и распахнутом халате, сидящего на стуле за кухонным столом. Голова Боза была запрокинута назад, рот широко открыт, глаза закатились в глазницах.

– Мертв, – сказал мистер Лисс.

Намми понял это с первого взгляда.

Но, хотя офицер Бозман и был мертв, Намми стало не по себе оттого, что он видел его в нижнем белье. И еще неуютно потому, что казалось неправильно вот так глазеть на мертвого человека, который не знает, что ты здесь, не может велеть тебе убираться и даже не способен привести себя в приличный вид.

Отвернуться от мертвого тоже было нельзя. Потому что тогда казалось бы, что ты стыдишься его, словно он сам виноват, что умер.

А когда мертвым человеком был кто-то знакомый, как Боз – или как бабушка, – то еще и немного хотелось умереть самому. Между тем все равно нужно было смотреть на него, потому что это в последний раз ты видишь человека, кроме как на фото, а фотографии – это просто изображения, они не человек.

На левом виске Боза поблескивала серебряная бусина, такая же, как на лицах тех зомбированных людей в тюремных камерах.

Все люди в тюрьме ждали, как хорошие собаки, которым велели «сидеть».

А потом возник красивый молодой человек и превратился в ангела, вот только не ангела, и, разорвав их всех на куски, принял в себя.

Намми надеялся, что красивый молодой человек не появится здесь в ближайшее время.

Мистер Лисс закрыл заднюю дверь и пересек комнату, оставляя на виниловом полу куски снега. Старик пристально смотрел на труп, но не трогал его.

– Он уже давно мертв. Как минимум восемь или десять часов, а то и дольше. Наверное, это случилось до рассвета.

Намми понятия не имел, как можно узнать, когда кто-то умер, и не хотел этому учиться. Чтобы освоить такую штуку, нужно видеть много мертвых людей и, наверное, подробно их изучать, но Намми больше всего хотел никогда в дальнейшем не видеть мертвых людей, до конца своей жизни.

Мистер Лисс поднял со стола какой-то пистолет, сделанный из блестящего металла. Покрутил его в руках, рассматривая.

На столе стояла ваза со свежими фруктами: груша, несколько бананов и больших яблок, выглядевших недозрелыми. Мистер Лисс направил странный пистолет на яблоко и нажал на курок. Т-туп! Внезапно на яблоке появилась такая же блестящая серебристая бусина, как на лице офицера Бозмана.

Мистер Лисс снова нажал на курок, но ничего не произошло. Когда он выстрелил в третий раз – Т-туп! – на втором яблоке тоже появилась серебряная бусина. В четвертый раз снова ничего не произошло.

– Двухцикловый механизм. Интересно, что делает второй цикл? – спросил мистер Лисс.

Никаких циклов на кухне не было, ни мотоцикла, ни прочего. Намми не знал, как ответить на вопрос старика, и не хотел, чтобы на него снова рычали, обзывая дурачком. Они оба знали, что он глуп, всегда был глуп, и никому из них для этого не требовалось постоянных подтверждений. Намми хранил молчание.

Когда мистер Лисс вернул стреляющий серебряными бусинами пистолет на стол, туда же, где нашел, из гостиной зазвучало пианино. У Боза было пианино. Он называл его «поставленным на попа», поэтому Намми понял, что изначально оно стояло в церкви или где-то в чистом и возвышенном месте вроде нее, а не в каком-то баре. Кику играла на инструменте и научила Боза играть, однако никто из них не мог делать это сейчас, потому что и он, и она были мертвы.

– Давайте уйдем отсюда, – сказал Намми.

– Нет. Мы уже в деле, парень. – Старик поднял свое длинное ружье. – Трусость обычно хорошая штука, но в определенные моменты она может тебя убить.

Мистер Лисс отправился к двери в коридор, которая была открыта. Нашел выключатель на стене, и темный холл осветился.

Когда мистер Лисс вышел из кухни, Намми решил, что страшнее остаться одному с мертвым человеком, чем пойти и посмотреть, кто играет на пианино. Он последовал за стариком.

Музыка была красивой, но печальной.

А в гостиной в конце коридора было темно. Намми удивился тому, что кто-то может настолько хорошо играть на пианино в полной темноте.

Сэмми Чакрабарти никогда не стоял в стороне, ожидая, что кто-то другой все сделает за него. Он всегда двигался, делал, думал, справлялся с текущим заданием, но одновременно планировал наперед. При росте сто семьдесят сантиметров он весил всего пятьдесят девять килограммов, ел за двоих, однако

не мог набрать ни грамма, потому что постоянно двигался, а обмен веществ этого человека опережал его.

Он помогал адаптировать нынешнее вещание к коллапсу всех телефонных служб и доступа к интернету, что казалось эдаким кризисом в середине ток-шоу. Теперь это больше не было кризисом, не было даже проблемой, учитывая, что двоих человек только что убили, лишили жизни люди или нечто, притворяющееся людьми, и KBOW погрузился в Сумеречную Зону.

Сэмми сбежал из инженерного отсека в кухню, где располагались холодильник, микроволновка, мороженица и кофеварка. Сэмми дернул ящик шкафчика, в котором хранилась посуда и разные столовые приборы, в том числе и несколько ножей, из которых он выбрал себе самый большой и острый.

В свои двадцать три Сэмми уже был полноценным директором программы радиостанции, коммерческим директором и начальником отдела по связям с общественностью. Он жил в недорогой двухкомнатной квартире, ездил на древней «хонде» и инвестировал половину своего чистого дохода, ведя онлайн довольно успешную торговлю акциями. Его план был таков: стать генеральным директором к двадцати шести годам, купить KBOW к двадцати девяти и затем использовать ее как платформу к развитию революционного вещания, которое сумеет принести станции славу по всей стране.

Невероятные события нескольких предыдущих минут грозили осложнениями, тормозившими его план как минимум на год, а то и на полтора. Но Сэмми Чакрабарти не мог представить себе обстоятельств, способных задержать его дольше указанного или вовсе расстроить планы.

Вооружившись ножом, он заторопился через здание обратно к инженерному отсеку, где персонал станции и гигант с полуразбитым лицом, назвавшийся Девкалионом, стояли над телами тех, кто выглядел как Уоррен и Энди Снайдер, но не являлся ими.

Ральф Неттлс, их инженер, был надежным как скала парнем, отличавшимся ответственностью, искренностью и здравым смыслом. Поэтому, наверное, эти Уоррен и Энди действительно пытались убить его, а татуированный незнакомец спас ему жизнь и выступает в качестве их союзника. Что касается бледно-голубого пара, струившегося из ноздрей Уоррена во время его конвульсий,

данный факт говорил о том, что тип был не более человеком, нежели автомат, в котором лопнул резервуар с охладителем. Это должно было быть правдой, однако все предпочли бы получить чуть более убедительные доказательства.

В пультовой кроме Ральфа с гигантом находились еще Барт Когборн, рекламщик, и Мэйсон Моррелл, сотрудник, писавший рекламные тексты, ведущий вечернего ток-шоу сегодняшней программы, который переключился с живой трансляции на записанную часть, специально заготовленную для таких форс-мажоров. Ну, не совсем для таких. Мэйсон скорее готовился к неожиданному приступу поноса во время эфира. Все, за исключением незнакомца, выглядели встревоженными и сбитыми с толку.

В отсутствие Сэмми тело Уоррена Снайдера раздели до пояса, а штаны стянули настолько, чтобы открыть весь живот от груди до паха.

– Я не знаю, что именно вы увидите, – сказал Девкалион, – но уверен, этого будет достаточно, чтобы доказать вам – перед нами не настоящий Уоррен Снайдер.

Гигант опустился на колени рядом с трупом и вогнал в него нож, прямо под грудиной.

Мэйсон Моррелл ахнул, возможно, не потому, что его шокировало или ужаснуло надругательство над телом, а лишь ради эффекта, чтобы доказать, что он, звезда эфира, по природе своей более чувствителен, чем те, кто работал за кулисами его шоу.

Сэмми нравился Мэйсон, хотя этот парень всегда переигрывал тут и там, за микрофоном и без, и порой утомлял.

Тонкая змейка крови заскользила от рукоятки ножа по бледному животу, и на миг труп показался все же человеческим. Но затем Девкалион полосонул до пупка и ниже, таким образом срезав иллюзию человечности. Края раны разошлись, и кровь – если это была она – оказалась пропиткой лишь поверхностных тканей.

Глубже все было странным, совершенно не похожим на внутренности человеческого тела. Некоторые органы имели цвет матового стекла, некоторые были белыми с неравномерными потеками серого, словно мясо определенного вида рыб, а отдельные обладали легким намеком на зеленый. Другие казались

гладкими и обтекаемыми, иные текстурой напоминали головки домашнего сыра, и абсолютно все имели странную форму и были асимметричными. Двойная спираль опалесцирующих[13 - Мерцающих.] трубок вилась через весь корпус, из тех, что были проколоты или разрезаны, сочилась кремовая жидкость. Всю брюшную полость опутывала тонкая сеть люминесцентных волокон, которые казались скорее электронными, нежели биологическими, и мягко светились, несмотря на то что дубликат Уоррена Снайдера был так же мертв, как и человек, которого он заменил.

Оставив нож торчать из тела, Девкалион выпрямился во весь рост. С дрожью отвращения и страхом в голосе, которые не нравились ему самому, Сэмми Чакрабарти спросил:

- Что это за штука?

- Она была сделана в лаборатории, - сказал гигант. - Сотни или даже тысячи подобных сейчас в процессе захвата контроля над этим городом.

- Какой лаборатории? - спросил Ральф Неттлс и недоверчиво покачал головой. - Наша наука пока недостаточно развита для подобного.

- Доказательство у вас перед глазами, - напомнил ему Девкалион.

Барт Когборн смотрел не на труп, а на свои часы, словно в его мире радиопродаж не было места для развития подобных событий, словно он мог заявить, что приближается дедлайн, поэтому ему нужно вернуться в свой кабинет и писать объявления.

- Может, и в лаборатории, - согласился Ральф. - Но не на этой планете.

- На этой планете, в этом штате, в этом округе, - заверил его Девкалион со зловещей уверенностью. - Я скоро объясню, кто я и кто сотворил этих созданий. Но вначале вы должны подготовиться к защите станции и предупредить других, как в Рейнбоу-Фоллс, так и за пределами города, о том, что происходит.

- Защищать ее чем? - спросил Мэйсон Моррелл. - Парой кухонных ножей? Против сотен, а может, тысяч этих... этих штук? И они сильнее нас? Мужик, это не кино,

у нас тут нет суперзвезды большого экрана, способной все исправить в третьем акте. Я не могу спасти мир. Я не в состоянии спасти ничего, кроме собственной задницы, свалив отсюда, уехав из города и оставив это дело армии.

– Ты не выберешься, – сказал Девкалион. – Они захватили полицию и все органы власти. Дороги блокированы с обеих сторон города. Они захватывают ключевые службы – телефоны, энергостанцию. Погода им в этом способствует, поскольку люди не намерены покидать дома, а там дубликатам проще их отыскать.

– Без телефонов и любой возможности передавать сообщения, – сказал Сэмми, – без интернета лишь KBOW – наш единственный способ предупредить широкие массы людей.

– У меня есть оружие, – сказал Ральф Неттлс. – Я... собираю.

Сэмми всегда думал, что у этого уравновешенного, ответственного, одержимого деталями инженера наверняка имеется план на все случаи жизни, от влюбленности до Армагеддона. Хотя он никогда и не слышал, чтобы Ральф даже словом обмолвился о коллекционировании оружия, подобное откровение его не удивило, он подозревал, что коллекция будет обширной, количества лишь чуть-чуть не хватит для оправдания слова параноидальная.

– Достаточно, чтобы защитить это место, – сказал Ральф. – До моего дома меньше мили. Я могу вернуться сюда с оружием и боеприпасами за... двадцать минут или около того.

– Я пойду с тобой, – сказал Девкалион, – и мы будем гораздо раньше.

Зазвучал звонок во входную дверь. KBOW была закрыта для посетителей, после того как приемная запиралась в половине шестого.

– Это Транспорт Номер Один, – промолвил Девкалион. – Они считают, что заберут отсюда четверых зомби. Ждите здесь. Я с ними разберусь.

Сэмми не мог даже подумать, что потрясающее открытие существования репликантов и вид их инопланетных внутренностей окажутся менее поразительными, чем уход Девкалиона из комнаты. И все же он, Ральф, Мэйсон и

даже полубессознательный Барт вскрикнули от изумления, когда Девкалион, отвернувшись от них, не просто вышел из комнаты, а исчез из нее.

12

Чтобы приподнять пятилетнюю Крисси Бенедетто, едва достававшую подбородком до столешницы, понадобилось две подушки, уложенные на кухонный стул.

Обеими ручками девочка подносила к губам кружку горячего шоколада, и каждый раз, когда она отпивала из нее, глаза малышки расширялись, словно радуясь вкусу напитка.

- Ты делаешь его по-другому, - сказала она.

- Я использую миндальное молоко, - ответила Эрика, сидевшая за столом напротив девочки.

- Миндальное, то есть из орехов?

- Да. Именно.

- Ты, наверное, давишь очень сильно, чтобы выдавить из них молоко.

- Давят другие люди. Я просто покупаю его в магазине.

- А из арахиса тоже можно добыть молоко?

- Нет, не думаю.

- А можно выдавить молоко из каш-ю?

- Из кешью? Нет, не думаю.

- Ты очень красивая, - сказала Крисси.

- Спасибо, милая. Ты тоже очень красивая.

- Я была Русалочкой в подготовишке. Ну, когда в последний раз отмечали Хэллоуин.

- Готова поспорить, ты очаровала всех мальчиков.

Крисси поморщилась:

- Мальчишки. Они все хотели быть страшными. И были фу.

- Лучше быть красивым, чем страшным. Мальчики рано или поздно понимают это, но, чтобы понять, им нужно много времени.

- А в этом году я буду принцессой. Или свинкой, как Оливия из книжек.

- Я бы на твоём месте выбрала принцессу.

- Ну, Оливия - красивая свинка. Да и папа всегда говорит, что не важно, как ты выглядишь снаружи. Главное, какая ты внутри. А другие печенья у тебя тоже выходят вкусными.

- Я добавляю пекан и кокос к шоколадной крошке.

- Можешь научить мою маму?

- Конечно. Я и тебя могу этому научить.

Последним из качеств, которые Эрика Пятая - теперь Сведенборг - должна была бы обнаружить в своём характере, являлся талант вызывать к себе симпатию и воспитывать юных. Будучи выращенной в резервуаре «Рук Милосердия» в далеком Новом Орлеане, обретая сознание уже взрослой, она была лишена родителей, от которых могла бы перенять нежность, и детства, в течение которого стала бы объектом ласковой заботы других. Она была создана, чтобы

служить Виктору, беспрекословно ему подчиняться, ее запрограммировали ненавидеть человечество, в особенности юное. Даже тогда Виктор представлял себе мир, где однажды исчезнут дети, будущее, в котором секс не станет служить ничему, кроме избавления от напряжения. Он мечтал о времени, когда сама концепция семьи будет уничтожена, а члены постчеловеческой Новой Расы будут привязаны не друг к другу, к странам или Богу, а лишь к нему, Виктору.

- Мама в городе, покупает мне мишек Тедди, - пролепетала Крисси.

Так сказал ей Майкл. На самом деле ее мать была мертва.

- Та глупая поддельная мама разорвала моих мишек.

Поддельной мамой являлась представительница Коммуны, заменившая настоящую Дениз Бенедетто. Майкл спас Крисси, а Карсон несколько секунд спустя убила репликанта.

- И откуда взялась та поддельная мама? - спросила Крисси.

Она казалась хрупкой, как фарфор от Лладро[14 - Лладро - знаменитый испанский фарфор, женские фигурки из которого отличаются особой изысканностью, тонкостью исполнения и нежностью красок.]. Доверчивая натура девочки и уязвимое сердце почти довели Эрику до слез, но она сдержала их.

- Ну, милая, наверное, это как в сказках со злыми ведьмами. Иногда достаточно заклинания, чтобы сделать их похожими на других людей.

- Поддельная мама была злой ведьмой?

- Возможно. Но поддельной мамы больше нет, она никогда не вернется.

- А куда она ушла?

- Я слышала, ее бросили в котел с ядом, который она варила, чтобы отравить других людей.

Глаза Крисси расширились без помощи горячего шоколада.

– Вот это круто.

– Она пыталась превратиться в стаю летучих мышей и улететь из котла на волю,
– продолжала Эрика. – Но все мыши перепачкались ядом и – пшик! –
превратившись в облачко тумана, исчезли навсегда.

– Вот так и надо всем злым ведьмам.

– Так и случилось. Пшик!

Из кабинета по коридору до самой кухни снова донесся голос Джоко, полный
хакерского торжества:

– Бум, вум, зум! Выдали пудинг, теперь тащите пирог!

Отложив печенье, Крисси сказала:

– Твой маленький мальчик говорит совсем не так, как все мои знакомые
мальчишки.

– Да, не так. Он очень особенный.

– Еще одна слива, еще одна слива, еще одна слива струсилась! Джоко трясет
кибер-сливы! Ах-ха-ха-ха, ах-ха-ха-ха!

– А можно с ним познакомиться?

– Чуть позже, милая. Он сейчас делает домашнее задание.

– Козявки! Козявки! Козявки! КОЗЯВКИ! Ладно, ладно. Так что... резать, дергать,
рвать, кусать, и-и-и из зипа вырывать! Джоко – король всего мира!

– Помнишь, как ты сказала мне о том, что папа говорил про важность внутри и
снаружи? – спросила Эрика.

- Конечно.

- Так вот, Джокко очень красивый внутри.

- Надеюсь, я ему понравлюсь.

- Джокко все нравятся.

- А он любит играть в чаепитие? – спросила Крисси.

- Уверена, что он с удовольствием поиграет.

- Мальчишки обычно не любят.

- Джокко всегда хочет делать приятное. Милая, боялась ли ты когда-нибудь чего-то, позже узнавая, что этого нечего было бояться?

Крисси нахмурилась, задумавшись над вопросом, а потом внезапно просияла:

- Ага, собак.

- Ты боялась собак?

- Больших собак с большими зубами. Большого старого Дуфуса у соседей.

- Но потом ты лучше узнала Дуфуса, да?

- И он очень милый внутри.

- И снаружи перестал быть таким уж страшным, верно?

- Он теперь забавный. – Правая рука девочки взметнулась вверх, и она помахала ладонью, словно в классе хотела добиться внимания учителя.

- Что, милая?

– Герцог. Когда я его впервые увидела, он меня напугал. – Герцогом она называла Девкалиона. – Но потом он поднял меня и волшебством перенес отсюда сюда, и больше он меня не пугает.

– Ты хорошая девочка, Крисси. И храбрая. Девочки могут быть храбрыми, совсем как мальчики. Я горжусь тобой.

По коридору из кабинета все доносился голос хакерствующего Джоко:

– Джоко видит пирожок! Джоко режет тут кусок! А потом еще кусок! Они пекут, у Джоко слюнки текут! Вкусные цифровые данные! Давай, Джоко! Джоко, давай! Давай-давай-давай-ДАВАЙ!

13

Рафаэль Джизус Хармильо, начальник полиции, жил в двухэтажном американско-викторианском доме на Бруин-драйв. Вдоль скатов главной крыши и навеса над крыльцом, а также вокруг окон и дверей дом украшали коричневые молдинги. Это был благопристойный, разумно декорированный особняк из тех, что в свое время Голливуд преподносил как дом любой достойной уважения семьи из среднего класса, вроде Энди Харди и его отца, судьи. Но это было до того, как кинопромышленники решили, что средний класс – самый настоящий опасный заговор недалеких хапуг, фанатичных невежд, чьи дома в фильмах обязаны демонстрировать их глупость, необразованность, скучную ортодоксальность, жадность, расизм и прогнившую до основания злобную суть.

Фросту очень нравилось это место.

Он и Даггет проезжали мимо особняка несколько часов назад, при свете дня. Они знали, что он окрашен в бледно-желтый с голубой пряничной отделкой, однако ночью, без подсветки ландшафта, дом казался таким же бесцветным, как покрытая снегом земля, на которой он стоял.

Паркуясь у обочины, Даггет сказал:

– Жена, теща, двое детей. Правильно?

– Так значит в собранных данных. Ни собаки. Ни кошки. Канарейка по имени Твитти.

Второй этаж, виднеющийся за голыми ветвями дерева, был темным, но все окна нижнего этажа ярко светились изнутри. Витражный овал стеклянной вставки во входной двери сиял огромным драгоценным камнем.

Фрост обычно не считал викторианские постройки очаровательными. Следуя за Даггетом по дорожке, ведущей к крыльцу, сквозь снег, он решил, что именно этот дом кажется ему привлекательным, прежде всего потому, что выглядит теплым.

Если существовала такая вещь, как реинкарнация, то в предыдущей жизни Фрост наверняка был членом какого-нибудь племени в набедренных повязках, обитающего в жарких экваториальных джунглях, или, возможно, пустынной игуаной, проводящей свои дни на раскаленных солнцем камнях. Глубоко в его костном мозге и сути как будто осталась память о той жаре, сделав его не только особо уязвимым для мороза Монтаны, но и злым на этот мороз, обиженным и оскорбленным.

Ирония того, что он родился в семействе Фростов[15 - Frost (англ.) – мороз. (Примеч. перев.)] с повышенной непереносимостью холода, не ускользала от него. Таинственная сила, оставшаяся скрытой за механизмами природы, выражала свое чувство юмора бесчисленным количеством способов, и Фрост находил мир чудесно забавным, даже когда был вынужден смеяться над самим собой.

Даггет позвонил в дверь, и они услышали внутри колокольчики. Когда никто не ответил, он позвонил снова.

Занавески на окнах не были закрыты, и Фрост двинулся от крыльца, проверяя комнаты, наполненные теплым светом. И не увидел никого, но в гостиной его внимание привлекли свидетельства недавней драки: перевернутый расшитый стул, сбитая с углового стола лампа с бронзовой фигурой-основанием, лампа-ваза, на которой покосился от удара абажур из плиссированного шелка, треснувшее зеркало над камином.

Обратив внимание Даггета на эти признаки борьбы, он вместе с напарником прошел к задней двери с четырьмя стеклянными панелями, лишь наполовину закрытыми прямыми занавесками. На кухонном полу лежали разбросанные ножи, тесак для мяса, несколько горшков и кастрюль, разбитые тарелки.

Дверь была заперта. Даггет расстегнул свою лыжную куртку, достал пистолет, достаточно сильно ударил дулом по стеклу, разбил панель и потянулся внутрь, чтобы отпереть засов.

Глухая ночь и густота падающего снега заглушали звуки настолько, что Фрост сомневался в способности разбившегося стекла насторожить соседа. Он тоже вытащил пистолет и последовал за Даггетом в кухню, закрыв за ними дверь.

Дом был тих, как сон о глухоте.

Попеременно захватывая в прицел двери и переступая пороги, они обыскали первый этаж. К тому времени как дошли наконец до гостиной, никого не обнаружили.

Каскад чистых приятных нот положил конец жутковатой тишине – это Твитти приветствовала их из своей клетки. Несмотря на обстоятельства, Фрост нашел птичье пение приятным и даже успокаивающим, наверное, потому что оно напомнило о других пернатых обитателях экваториальных джунглей из его прошлой жизни.

– Что, черт его дери, это за район? – пробормотал Даггет.

Внимание Фроста переключилось с ярко-желтой птички на пушистый синий тапочек, лежащий у перевернутого стула с вышивкой.

Ему потребовалась минута, чтобы понять: вовсе не обувь вдохновила Даггета на вопрос. За тапочком лежала босая ступня с ногтями, покрытыми карамельно-яблочным лаком. Женская тонкая ступня с красивыми пальцами и деликатным подъемом. Отрезанная в лодыжке.

Хотя «отрезанная» было не вполне подходящим словом, оно предполагало клинок. Плоть и кость не были чисто срезаны, как случилось бы даже при

использовании очень остро наточенного меча, не были раздроблены и зазубрены, как при использовании любого рода пилы.

Обрубок выглядел одновременно гладким и пористым, словно начал растворяться и в то же время был законсервирован кислотой.

Даггет опустился рядом с мрачным объектом на одно колено, чтобы поближе его рассмотреть. Говорил он негромко:

– Чертовски бледная, верно? Кожа белая, будто гипс. Никаких видимых поверхностных вен или артерий. Видимая плоть... она бледная, как палтус. Словно всю кровь из нее выкачали.

Ни капли крови не было на ковре вокруг ступни.

Склонившись ниже, Даггет продолжил:

– Плоть не пористая. Она выглядит... будто кто-то пожевал ее миллионом крошечных зубов.

– Не трогай ее, – прошептал Фрост.

– Я и не собираюсь, – заверил его Даггет. – Это же улика.

Предостережение Фроста было совершенно не связано с опасением испортить улики. Ступня имела такой странный вид, что он даже задумался, не испортит ли она их.

Твитти, скорее всего, продолжала петь, однако Фрост не слышал канарейки. Продолжительные трели привлекли его внимание, но они не выражали радости, как раньше, сейчас они звучали тонко, пронзительно и слабо.

– Что теперь? – спросил Фрост.

– Наверх.

Покинув гостиную через арку и войдя в фойе, они обнаружили часть руки.

14

Проводя им быструю экскурсию по дому, принадлежавшему Хэнку и Долли Сэмплс, Тиг заодно наскоро посвятил их в детали происшествия в ночном клубе кантри-музыки. Учитывая его уверенность по поводу инопланетного происхождения противника, Карсон размышляла о том, как им с Майклом убедить этих людей в неправильности их интерпретации событий.

Мужчины из Церкви Небесных Всадников располагали оружием и боеприпасами в ключевых для защиты по всему дому точках, укрепляя и баррикадируя большинство окон толстыми досками, их они привинчивали к внутренним рамам, располагая рядом компактные огнетушители. Обычно они возили все это в своих пикапах и джипах, предпринимая всевозможные меры предосторожности, которые могли придумать для превращения дома в практически крепость.

В это время женщины с детьми расположились в кухне и столовой, перерабатывая горы продуктов, привезенных из менее подходящих для укрытия домов, в пастообразные салаты, салаты с картошкой и запеканки. Все это можно было разместить в кухонном и гаражном холодильниках, чтобы по первому требованию накормить всех собравшихся.

Три портативных генератора, заправленных бензином, подключили к электроснабжению дома с целью гарантированной работы холодильников и микроволновой печи на случай, если Рейнбоу-Фоллс лишится энергоснабжения. Благодаря работающему на мазуте котлу отопление могло протянуть еще как минимум месяц.

Никто не ждал, что эта война миров продлится в течение месяца. Либо Господь поддержит человечество в быстрой и полной победе над этими очевидно безбожными чужаками из далекого мира, коим правит Сатана, либо это будет Армагеддон. А если это действительно последний бой, он точно окажется коротким, поскольку, когда абсолютное Добро наконец столкнется в лобовую с абсолютным Злом, последнее выдержит всего одну яростную схватку с ним.

Доставив прибывших в просторную, кипящую работой кухню с намерением познакомить с Долли Сэмплс, Тиг ушел, чтобы снова присоединиться к патрулирующим периметр охранникам. Долли, непрерывно раскатывая один круг теста за другим, делала тыквенные пироги – «Конец Света или не Конец Света, а хороший тыквенный пирог радует сердце и придает нам сил», – но она настояла на том, чтобы добыть гостям по чашке кофе с домашним сахарным печеньем.

Как заметила Карсон, по одну сторону от форм для пирогов у Долли лежал кольт 38-го калибра. Другие женщины, работающие на кухне, говорили друг с другом о недавних событиях в клубе, но при этом делились обыденными вещами, например тонкостями рецептуры, а также историями последних проказ их детей. И у каждой под рукой лежало серьезное оружие: «Зиг Р245», «Смит и Вессон» модели 1076, «Смит и Вессон» 640, револьвер скрытого ношения, тоже 38-го калибра, «СуперКэрриПро» 45-го из «Кимбер Кастом Шоп»...

Все они демонстрировали решительность и ни капли отчаянья, сосредоточенность и внимательность, но никакого очевидного страха. Были приготовления, которые следовало сделать, работа, с которой необходимо управиться, а занятые руки означали занятый разум с отсутствием времени на страх или отчаянье.

Кофе оказался потрясающим. Сахарное печенье – божественным.

– Есть два вида этих отвратительных созданий, – объяснила Долли, вернувшись к тесту. – Первые выглядят как люди, которых мы знаем, и их можно было бы считать худшими, поскольку они обманщики среди нас, дети Отца Лжи. Однако они выдают собственную истинную природу своими действиями, поэтому мы можем с ними справиться. Они пытались пристрелить некоторых из нас, но мы быстрее выхватываем оружие, а их можно убить. Для этого надо много выстрелов. Одной хорошей пули недостаточно, даже в упор.

Подхватив круг теста и уложив его в форму для пирога, Долли взглянула на картину в раме, висящую на стене над обеденным уголком: Иисус в белых одеждах и ковбойских сапогах сидит на лошади, драматично привставшей на дыбы. Вместо ковбойской шляпы чело Сына Божьего украшает нимб.

– Господь точно пребывал с нами в «Пикинг энд грининг», иначе все мы были бы уже мертвы. Нельзя сказать, что одно только наше умение стрелять спасло нас.

– Но Господь помогает тем, кто помогает себе сам, – сказал Майкл. – А хороший ствол может послужить славною помощью самому себе.

Карсон с некоторым облегчением отметила, что у нарисованного Иисуса нет пистолета.

Долли продолжила:

– Монстры второго типа тоже выглядят как люди, но не обычные люди. Они прекрасны, словно ангелы. Они выглядят, будто Донни и Мари Осмонд[16 - Донни Осмонд (1957 г. р.) – американский певец и актер, в прошлом идол подростков. Мари Осмонд (1959 г. р.) – американская певица и актриса.] в молодости, когда от них просто невозможно было отвести взгляд.

Лорин Рудольф, которой представили Майкла и Карсон, готовила картофельный салат за кухонным столом. Она сказала:

– Не то чтобы Донни и Мари стали хуже выглядеть.

Еще одна женщина, помешивавшая кипящие на плите макароны, сказала:

– Даже когда Мари надолго растолстела, она в свои худшие дни выглядела в пять раз лучше, чем я в свои лучшие.

– Синди Сью, не смей себя принижать, – отозвалась Лорин. – В мире полно женщин, которые отдали бы все зубы, чтобы выглядеть так хорошо, как ты.

– Все зубы и ногу, – согласилась Долли.

А Майкл добавил:

– Все зубы, ногу и ухо.

Синди Сью, покраснев, сказала:

- О мистер Мэдисон, вы просто ужасный льстец.

Долли, хмуро взглянув на Майкла, заметила:

- Надеюсь, это была лесть, а не насмешка.

- Отчасти насмешка, - заявила Карсон, - но так Майкл дает людям понять, что они ему правда нравятся.

- Даже тебе, дорогая?

- Особенно мне.

- Ты, должно быть, очень его любишь, хотя я все равно считаю это тяжелой ношей.

- Это мой крест, - ответила Карсон.

- А я несу свой, - добавил Майкл.

- Милый, - сказала Карсон, - твой крест - ты сам!

- Здорово! - промолвила Лорин, и все прихожанки рассмеялись.

- Так или иначе, - продолжила Долли, - Мари Осмонд была полной, а не толстой, а теперь она стройная и красивая. Так вот, те три ангела поднялись на сцену клуба, и мы ждали музыкального выступления, но тут они сменили форму, из них вырвались серебристые рои и съели людей.

Описание Долли никак не помогло Карсон визуализировать врага.

Видя ее замешательство, Фарли Сэмплс, один из сыновей-подростков Долли, который слушал разговор, чистя морковь, шагнул вперед и сказал:

– У этих пришельцев развиты нанотехнологии, вот что это было. Те трое, выглядевшие как ангелы, могли быть машинами, но точно так же и животными. Знаете, теми из них, которых выводят для убийства, ага? Вот кем они, наверное, и являются... каждый как колония из миллиардов крошечных наноживотных размером не больше вируса, запрограммированных на разные задачи. Понимаете? Так что они способны собираться вместе и действовать как одно существо, самостоятельно выполняя свою задачу, но могут становиться и роем отдельных существ. Каждое крошечное наноживотное обладает рудиментарным разумом и небольшим объемом памяти. Но, когда они собираются вместе, их разум соединяется тоже и, объединившись, делает их умнее даже самого умного человека.

Мать просияла, глядя на Фарли, а затем сказала:

– Он всегда хорошо разбирался в науке. Я жду, что он станет следующим Биллом Гейтсом.

– Мам, Билл Гейтс не ученый.

– Ну, он миллиардер, что ничуть не хуже.

– Он даже колледж не закончил, – сказал Фарли.

– Когда бы у него было на это время?

– Кем я хочу стать, – заявил Фарли, – так это следующим Робертом Хайнлайном. Он написал лучшую в мире фантастику.

Опознав в Фарли Сэмплсе инструмент, при помощи которого она может убедить этих людей в том, что возникшая угроза не имеет инопланетного происхождения, Карсон сказала:

– Сынок, нанотехнологии ведь не просто фантастика, да?

– Нет, мэм. Это будет следующий научный прорыв. Они каждый день делают открытия. Но нашим нанотехнологиям далеко до того, на что способны эти пришельцы.

– Может быть, – сказала Карсон. – А возможно, есть некая тайная лаборатория неподалеку от того, что вы, ребята, называете здесь Шоссе конца света. Похоже, я знаю, кто ею заведует, и, не исключено, мы с Майклом – часть команды, которая пытается ее закрыть. Что скажешь на это?

– Твою ж... – пробормотал Фарли.

– Придержи язык, мальчик, – предупредила его мать.

– ...дивизию, – закончил Фарли.

Повысив голос, Долли обратилась к женщинам, трудившимся в соседней столовой:

– Шэнона, Вера, лучший способ дать Карсон и Майклу понять, с чем мы имеем дело, – это показать им ваше видео.

Шэнона Фэллон и Вера Гибсон пришли на кухню с телефонами, которыми снимали видео потрясающе красивой юной женщины в «Пикинг энд грининг», когда она внезапно превратилась в машину смерти и прошила лицо Джонни Танкредо, а потом словно рассеялась и полностью его впитала.

Майкл в своем духе сказал:

– Твою ж дивизию.

Карсон промолчала, поскольку, если бы смогла облечь мысли в слова, то выдала бы только «Мы покойники».

15

Мистер Лисс включил в гостиной свет, и Намми увидел Боза, сидящего за пианино и играющего печальную музыку.

Настоящий офицер Барри Бозман был мертв, находился на кухне, в трусах и халате. Если мистер Лисс прав, то перед ними сидел марсианский ксерокс Боза.

Ксерокс не среагировал на включение света. Он просто продолжал играть музыку.

Держа свое длинное ружье перед собой, мистер Лисс медленно подходил ближе к игравшему на пианино, однако сохранял при этом безопасную дистанцию. Мистер Лисс был храбрым, но не глупым.

Намми не продвинулся ни на шаг, готовясь бежать. Он был глупым, да, но не настолько, чтобы подумать, будто бежать не придется.

- Ты, - резко сказал мистер Лисс. Когда Ксерокс ему не ответил, старик добавил:
- Эй, сукин ты сын, марсианская подтирка, что ты делаешь?

Музыка была такой печальной, что Намми хотелось заплакать. Она напоминала одну из мелодий, что звучат в фильмах, когда молодая мама умирает от рака и к постели умирающей по одному приводят ее маленьких детей, чтобы они могли попрощаться, а папа детей едет с войны, но может не успеть вовремя, чтобы попрощаться, и ты так хочешь переключить канал на «Энимал Плэнэт», или на «Фуд Нетворк», или даже на «Спайк ТВ», что угодно, только не это. Ты не помнишь, почему вообще начал это смотреть, но теперь не можешь отвернуться, тебе нужно знать, успеет ли папа вовремя. Он всегда успевает вовремя, между тем мама все равно умирает, и ты следующие пару дней сам не свой, у тебя уходят коробки «Клинекса», и ты никогда не узнаешь, что случится с теми маленькими детьми без мамы.

Вот такая музыка.

Когда Ксерокс все равно не ответил, мистер Лисс сказал:

- Что, ты слишком хорош, чтобы говорить со мной? Не смей задирать нос, убойная ты марсианская грязь. Иначе я тебе его отрежу, брошу в блендер с мороженым, приготовлю мясной шейк и выпью его. Я так уже сотни раз делал.

Мысль о милкшейке со вкусом носа заставила Намми подавиться и еще раз подавиться, но он был уверен, что его не стошнит обедом.

– Даю тебе еще один шанс, ты, вонючая космическая куча дерьма. Что ты здесь делаешь?

Ксерокс не поднял взгляда. Он смотрел на свои руки, на клавиши. Он сказал:

– Я здесь играю на пианино. – И голос у него был совсем как у Боза.

– У меня есть глаза. Так что не говори мне о том, что я и так уже вижу. Почему ты играешь на пианино?

– Когда я загрузил его воспоминания, я научился играть. Он хорошо умел играть, так что теперь умею и я.

– И что мне сейчас, аплодировать? – спросил мистер Лисс, злость которого засияла еще ярче, как обычно бывало, если он заводился. – Мне купить дюжину роз и ждать за кулисами твою жалкую марсианскую задницу? Ты ни минуты не практиковался, так что не ожидай оваций стоя от Конвея Лисса. Почему ты долбешь пианино вместо того, чтобы захватывать мир с остальными такими же паразитами?

– Я сел здесь до рассвета и играю с тех самых пор, – сказал Ксерокс.

Намми был впечатлен, ему хотелось спросить марсианина, как долго тот может не писать, но он понял, что тогда сам станет целью для злости мистера Лисса. Ему нравилось не быть целью.

– Ты испытываешь мое терпение, Дарт Вейдер. А для меня ты не больше, чем мазок тараканьей блевоты, так что не испытывай мое терпение. Я не спрашивал тебя «сколько?», я спросил «почему?».

По какой-то неизвестной причине Намми почти загипнотизировали руки марсианского Боза, которые словно парили над пианино, едва касаясь черных и белых клавиш, будто вообще не касаясь их, словно музыку из инструмента он добывал волшебством.

Ксерокс сказал:

– Этим утром... на кухне... во время передачи памяти, когда его жизненный опыт передавался мне... он умер от мозгового кровотечения.

– Я знаю, что он умер, – сказал мистер Лисс и плюнул на пол. – Этот полицейский мертв, как Уайетт Эрп, мертвее чертова камня. Да что, черт подери, с тобой такое? Ты постоянно говоришь мне то, что я и так уже знаю, а не то, что хочу узнать.

Руки парили над клавишами, словно искали что-то. Вместе влево, затем в разные стороны, вместе в центре, затем обе вправо, словно потеряли что-то важное и пытались теперь найти его, а мелодия была просто чем-то, что происходит во время поиска, как музыка в фильмах, когда она нужна актерам. Что бы ни искали руки, они печалились, потому что не могли найти, и вот почему мелодия была печальной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Каутеризация – здесь: прижигание, нанесение ожогов на различные участки тела. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

2

Репликант – андроид, имеющий полное сходство с определенным человеком.

3

Аушвиц – концентрационный лагерь и лагерь смерти, немецкое название Освенцима.

4

Голем – персонаж еврейской мифологии, искусственный человек, созданный из глины для исполнения разных черных работ, трудных поручений и пр.

5

Каджуны – своеобразная по культуре и происхождению субэтническая группа, представленная преимущественно в южной части штата Луизиана, а также в прилегающих округах южного Техаса и Миссисипи. В рецептах каджунской кухни обязательно присутствуют три неизменных компонента – сельдерей, лук, перец и приправы. Все ингредиенты доводятся до готовности как можно быстрее, чтобы сохранить питательные вещества; основной гарнир – рис.

6

Зидеко – народный танец с быстрым темпом, популярный среди креольского и каджунского населения.

7

Ковбойской шляпе.

8

Компьютерных антивирусных программ.

9

Дословно: Джокодумаето жизни. ком. (Примеч. перев.)

10

Чиф (англ. chief) – шеф, начальник.

11

Кермит – лягушонок, один из главных персонажей «Маппет-шоу», англо-американской телевизионной юмористической программы с куклами-маппетами, созданной Джимом Хенсоном и выходившей в эфир в 1976–1981 годах.

12

Синдрома навязчивых состояний.

13

Мерцающих.

14

Лладро – знаменитый испанский фарфор, женские фигурки из которого отличаются особой изысканностью, тонкостью исполнения и нежностью красок.

15

Frost (англ.) – мороз. (Примеч. перев.)

16

Донни Осмонд (1957 г. р.) – американский певец и актер, в прошлом идол подростков. Мари Осмонд (1959 г. р.) – американская певица и актриса.

Купити: <https://tellnovel.com/din-kunc/gorod-mertvyh-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)